

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

"Zagoskin, N. P.

ВРАЧИ И ВРАЧЕБНОЕ ДѢЛО ВЪ СТАРИННОЙ РОССИИ.

Публичная лекція, читаннаа 24-го марта 1891 года въ пользу
Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительни-
цамъ Казанской губерніи

ординарнымъ профессоромъ
Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

R 531
Z 34

Цензурою дозволено, Казань 5 Мая 1891 года.

Въ началѣ великаго поста текущаго года г. предсѣдатель „Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Казанской губерніи“ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ прочитать публичную лекцію въ пользу этого, въ высшей степени симпатичнаго по идеѣ своей, Общества.

Исполняя это желаніе, я избралъ для своей лекціи тему, составляющую содержаніе настоящей брошюры. Хотя лекція моя и была напечатана въ мѣстной газетѣ „Волжскій Вѣстникъ“, тѣмъ не менѣе въ настоящее время, въ виду заявленнаго мнѣ многими лицами, въ особенности принадлежащими къ медицинской корпораціи, желанія видѣть ее изданною отдельно,—я беру на себя смѣость издать ее отдельною книжкою, снабдивъ нѣкоторыми дополненіями и цитатами, которыхъ не могли найти себѣ мѣсто въ публичной лекціи, стѣсненной и составомъ аудиторіи и, въ особенности, временемъ.

Моему рѣшенію издать свою лекцію отдельною брошюрою содѣйствовало и то обстоятельство, что въ литературѣ нашей не имѣется популярнаго изложенія состоянія медицины въ нашемъ отечествѣ до эпохи реформъ Петра I-го. Мы имѣемъ, правда, капитальный трехтомный трудъ В. Рихтера: „Geschichte der Medizin in Russland“ (появившійся въ свое время и въ русскомъ переводѣ Озерева и Бекетова),—но этотъ обширный трудъ,

относящійся къ 1813—1817 г.г. текущаго столѣтія, представляеть въ настоящее время библіографическую рѣдкость, а потому и весьма трудно доступенъ, въ особенности въ провинції. Тоже можно сказать и о трудахъ Я. В. Ханыкова: „Очеркъ истории медицинской полиціи въ Россіи“, представляющемъ собою, впрочемъ, въ предѣлахъ до-Петровскаго періода, лишь весьма краткую, и не всегда удачную, выборку изъ труда В. Рихтера. Также мало доступны и пѣкоторые болѣе мелкие труды, посвященные исторіи медицины въ Россіи.

Благодаря вышесказанному, для большинства русскихъ врачей историческая судьбы отечественной медицины—являются совершенною *tabula rasa*.

Таковы соображенія, которые привели меня къ мысли о томъ, что изданіе настоящей брошюры можетъ быть не совсѣмъ безполезнымъ для лицъ, интересующихся историческимъ знаніемъ—вообще, и исторіею врачебнаго дѣла на Руси—въ частности.

Казань, 18 апрѣля 1891 г.

Долго не появлялось въ нашемъ отечествѣ попечительной дѣятельности государства, направленной къ обеспеченію для народныхъ массъ врачебной помощи.

Правда, принимались уже очень рано государствомъ болѣе или менѣе дѣятельныя, но за то нерѣдко и чисто палліативныя, мѣры борьбы съ народными бѣдствіями,—въ видѣ повальныхъ моровыхъ повѣтрій и голодовъ,—которыя очень часто посѣщали съ древнѣйшихъ временъ наше отечество, но я не опасаюсь впасть въ парадоксъ, утверждая, что доступной для народныхъ массъ врачебной помощи въ нашемъ отечествѣ не существовало, собственно говоря, вплоть до введенія земскихъ учрежденій и тѣсно связанного съ ними возникновенія земской медицины. До конца XVII-го вѣка существовало у насъ лишь „государево“ врачебное дѣло, расчитанное на потребности царскаго двора и высшихъ служилыхъ чиновъ; съ Петра I появляется чиновно-бюрократическая медицина, доступная единственно почти привилегированнымъ классамъ,—и только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе возникаетъ у насъ общенародная и общедоступная медицина, которая можетъ быть названа земскою въ истинномъ значеніи этого слова.

Чѣмъ же, въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія, обеспечивалась для народныхъ массъ, разбросанныхъ по безконечнымъ пространствамъ русской земли, столь необходимая для каждого человѣка врачебная помощь?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не сложенъ: у народныхъ массъ была *своя собственная*, своя доморощенная медицина, которая пережила многіе вѣка исторического развитія жизни, которая

и въ наши дни существуетъ въ видѣ цѣлой совокупности знаній, окрещиваемыхъ общимъ наименованіемъ *народной медицины*. Дѣло специалистовъ-мединиковъ рѣшить вопросъ о степени рациональности и цѣлесообразности отдельныхъ оснований этой, крайне интересной, области духовной жизни народа. Часто, впрочемъ, приходится слышать отзывы людей знающихъ о томъ, что въ области народной медицины—встрѣчается не мало началъ вполнѣ здравыхъ, которые изъ узкихъ рамокъ чисто эмпирическаго знанія—легко могутъ быть возведены на степень положеній, имѣющихъ за собою научную подкладку; что весьма многія врачебныя средства непосредственно заимствованы наукой именно изъ народной медицины, будучи научно обоснованы и затѣмъ введены въ систему современной научной медицины.

Русская народная медицина такъ же стара, какъ стара и историческая жизнь русского народа; корни ея уходятъ въ глубину до-исторической, языческой поры жизни нашего народа. Она пережила, затѣмъ, тысячелѣтній периодъ уже исторической жизни его—и до нашихъ дней сохраняетъ за собою огромную силу, существуя на-ряду съ научною медициною и даже вступая съ нею, подъ часъ, въ борьбу.

Кому не знакомо явленіе *знахарства*, распространенное по всему широкому лицу земли русской и съ которымъ, сплошь и рядомъ, доводится считаться труженикамъ нашей земской медицины? На этой почвѣ, на-ряду съ относительно здравыми началами, весьма часто выступаютъ, конечно, грубое шарлатанство, обманъ и эксплоатация одного изъ самыхъ существенныхъ стремленій человѣка—стремленія въ сохраненію своего здоровья и своей жизни.

Кому не известны печальные факты наглого обмана со стороны разного рода шарлатановъ и самозванныхъ „врачей“,—обмановъ, жертвами которыхъ дѣлаются не только представители темнаго люда, но и люди относительно интеллигентные, и даже люди,—какъ это не можетъ показаться страннымъ,—而非常的? Развѣ мы не были свидѣтелями мас-

совыхъ паломничествъ, которые со всѣхъ концовъ Россіи совершились къ самарскому деревенскому знахарю Кузьмичу? Развѣ мы, казанцы, не были очевидцами слѣпой вѣры въ какого то перса-проходимца, который въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ морочилъ нашихъ согражданъ, нагло обирая своихъ довѣрчивыхъ пациентовъ? Вспомнимъ, наконецъ, ученика „китайского шамана“, который по настоящее время практикуетъ въ нашемъ городѣ свое лѣченіе „способомъ средствъ“, отъ времени до времени привлекаясь за это въ камеры мировыхъ судей.

Если подобнаго рода факты представляются явленіемъ обыденнымъ въ наше культурное время, то тѣмъ болѣе имѣемъ мы основаній искать ихъ въ прошлой жизни нашего народа, восходя до самыхъ отдаленныхъ эпохъ ея.

I.

Древнѣйшая языческая медицина.—Кудесники и волхвы.—Начало христіанской медицины.—Врачебное дѣло въ Киевской Печерской Лаврѣ.—Слѣды борьбы христіанской и языческой медицины.—Зачатки свѣтской медицины въ удѣльномъ періодѣ и первые врачи.

У всѣхъ народовъ, въ первоначальную пору ихъ исторической жизни, врачебное дѣло было тѣсно связано съ религіею.

Въ законодательствѣ Моисея дѣло распознаванія и лѣченія болѣзней, а также наблюденіе за гигієническими условиями жизни—было всецѣло возложено на священниковъ; законодательные книги Моисея (въ особенности книга Левитъ) были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и кодексомъ общественной медицины. У грековъ въ числѣ олимпійскихъ божествъ фигурируетъ Эскулапъ—богъ врачей и врачебного дѣла. У первобытныхъ народовъ жрецы, волхвы—были, въ одно и тоже время, и служителями алтаря и врачами; это наблюдается и среди современныхъ намъ дикарей. Волхвованія, заклинанія, заговоры и наговоры, основанные на вѣрѣ въ таинственные силы приро-

ды, которые служили и предметомъ религіознаго культа—являются на этой ступени народной жизни преобладающими срудаями архаической медицины, на-ряду съ простыми, чисто механическими средствами врачеванія наружныхъ тѣлесныхъ поврежденій.

Такъ было и въ древнѣйшей, до-христіанской Руси. Эта древнѣйшая Русь, олицетворявшая въ своихъ божествахъ силы природы и вызываемыя ими во внѣшнемъ мірѣ явленія—не знала жрецовъ, обязанности которыхъ выполнялись старцами, совмѣщавшими въ себѣ и дѣло внѣшняго религіознаго культа, и храненіе преданій, и вѣщаніе права; эти же старцы совмѣщали въ себѣ, по всей вѣроятности, и обладаніе тайнами первобытнаго врачебнаго искусства. Старцы (по другимъ варіантамъ—калики перехожіе) исцѣляютъ Илью Муромца, который, по нашимъ былинамъ, тридцать три года сиднемъ сидѣлъ въ селѣ Караваровѣ, и возвращаютъ ему силы, давъ испить „чарочку питьица медвяного“.

Существовалъ, наконецъ, въ древней Руси цѣлый контингентъ лицъ, которые считались посредниками между человѣчествомъ и таинственными силами природы и которымъ вѣдома была тайна обращать эти силы въ пользу или во вредъ человѣку. Пользуясь общеніемъ съ этими силами природы, они могли какъ наводить на человѣка немочь, такъ и освобождать его отъ приключившагося ему недуга. Это—*кудесники, волхвы, вѣдуны и вѣдуньи*, играющіе видную роль въ древнихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ и въ произведеніяхъ устной народной словесности. Къ кудеснику обращается князь Олегъ съ вопросомъ о причинѣ будущей смерти своей. Въ Сузdalской землѣ, во время голода, появились смущавшіе народъ волхвы, противъ которыхъ лично выступилъ великий князь Ярославъ; онъ повелѣлъ схватить и выслать ихъ изъ земли, такъ какъ, по его словамъ—„Богъ за грѣхи караетъ людей и гладомъ и моромъ и иными казнями, человѣкъ же здѣсь ни причемъ“. Въ 1071-мъ году, также во время голода, проявились волхвы на Бѣлоозерѣ, гдѣ ихъ преслѣдуетъ княжеский дань-

щикъ Янъ Вышатичъ. Въ 1227-мъ году въ Новгородѣ сжигаютъ волхвовъ, появившихся здѣсь и прельстившихъ многихъ людей своимъ вѣдовствомъ, „потворами“ и ложными знаменьями.

Племена финского корня были этнографическимъ элементомъ, который въ особенномъ изобиліи выдѣлялъ изъ себя всѣхъ этихъ кудесниковъ и волхвовъ. Къ нимъ, на сѣверѣ, въ глубь первобытныхъ лѣсовъ, ходили русскіе люди за волхвованіями еще долго спустя послѣ вводженія христіанства въ при-Днѣпровской Руси,—ходили, какъ и теперь ходятъ къ какому нибудь Кузьмичу или персидскому врачу, даже тогда, когда въ крещеной Руси „волхвованія“ были уже возведены на степень наказуемаго антирелигіознаго преступленія.

Прекрасно охарактеризовалъ это мистическое значеніе древняго русскаго сѣвера нашъ бессмертный поэтъ, вложивъ въ уста своего Финна („Русланъ и Людмила“) слѣдующія слова:

„Но слушай: въ родинѣ моей,
„Между пустынныхъ рыбарей,
„Наука дивная таится:
„Подъ кровомъ вѣчной тишины
„Среди лѣсовъ, въ глухи далекой,
„Живутъ сѣдые колдуны . . .

Долго держались кудесничество и волхвованія въ Чудской землѣ, и долго приходилось бороться съ ними наши князья и представителямъ духовенства. Но народъ вѣрилъ въ силу этихъ „сѣдыхъ колдуновъ“ и въ ихъ „дивную науку“ и охотно обращался къ нимъ въ своихъ нуждахъ. Въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ, народъ открыто сталъ за волхва противъ своего князя; только убіеніе Глѣбомъ этого волхва прекратило возникшій мятежъ.

Сами представители новой религіи вѣрили въ силу языческихъ волхвованій. Лѣтописецъ повѣствуетъ намъ подъ

1071-мъ годомъ, что нѣкій новгородецъ явился однажды къ чудеснику „хотя волхвованья отъ него“, но что это волхвование до тѣхъ поръ оставалось безъ всякаго результата, пока новгородецъ не снялъ съ себя находившагося на немъ креста: „Такова,—восклицаетъ по этому поводу лѣтописецъ,—бѣсовская сила, наводящая и благо и немощь, и такъ то волхвуютъ наученьемъ бѣсовскимъ... Чаше всего дается даръ волхвованія женщинамъ,—продолжаетъ лѣтописецъ,—ибо уже первая жена прельщена была бѣсомъ; онъ волхвуетъ и чародѣйствомъ, и отравою, и иными кознями бѣсовскими,—но и мужи, добавляетъ лѣтопись, также прельщаемы бывають бѣсами“. Такимъ образомъ, самъ лѣтописецъ,—монахъ и аскетъ,—вѣритъ въ силу волхвованій, могущихъ давать и немощь и здоровье, но только относится къ нимъ съ негодованіемъ, какъ ель переживаню языческой поры народной жизни.

Такова была почва, на которой вправѣ мы искать слѣдовъ древнѣйшей, языческой, медицины, представлявшей собою смѣсь знаній пѣкоторыхъ дѣйствительныхъ пѣлебныхъ силъ природы съ мистическою вѣрою въ чудодѣйственные тайны ея.

Появившееся на Руси христіанство вступило въ ожесточенную борьбу съ этой языческой медициною. Волхвовъ преслѣдовали, казнили, сожигали, а самое волхвование объявлено преступлениемъ уже въ первыхъ памятникахъ русского церковнаго права. „Уставъ о церковныхъ судахъ“ св. Владимира выдвигаетъ специфическое преступление противъ вѣры—зеленичество, которое поставлено здѣсь рядомъ съ вѣдовствомъ. Если мы вспомнимъ, что въ древней Руси очень долго разумѣли подъ названиемъ „зелья“ разнаго рода врачебная снадобья,—то получимъ возможность предположить въ этомъ преступлѣніи именно пользованіе таинственными средствами, входившими въ область языческой медицины.

Появившись въ нашемъ отечествѣ, христіанство приняло дѣло врачеванія подъ свое непосредственное покровительство. Церковный уставъ св. Владимира объявляетъ больницы—церковнымъ учрежденіемъ, а самыхъ „лечцовъ“, т. е. врачей—

людьми церковными, богадельными, подвѣдомственными епископу.

Христіанство было перенесено къ намъ изъ Византіи. Изъ Византіи же перешло въ Русь и воззрѣніе на врачебное дѣло, какъ на предметъ ближайшаго вѣданія и попечительства церкви. Въ Византіи врачебное дѣло, какъ это было въ извѣстную пору жизни и въ западной Европѣ, ютилось, главнымъ образомъ, при монастыряхъ и церквяхъ, и монахи считали врачеваніе больныхъ дѣломъ своего подвижническаго призыва. Такой же порядокъ вещей складывается и у насъ послѣ введенія христіанства. Проникнутые рвениемъ къ новой вѣрѣ, древніе русскіе князья, въ числѣ другихъ богоугодныхъ дѣлъ, направляютъ свои заботы и на призрѣніе больныхъ. Св. Владимира велитъ разыскивать по городу больныхъ и доставлять имъ на домъ пропитаніе; то же дѣлаетъ и Андрей Боголюбскій; лѣтописецъ, вспоминая заслуги умершаго князя Константина Всеволодовича, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что этотъ князь „покоилъ“ трудныхъ, т. е. больныхъ.

Уже очень рано и у насъ на Руси, подобно тому, какъ это было въ западной Европѣ и въ Византіи, врачебное дѣло находить пріютъ подъ сѣнью монастырской, именно подъ сѣнью древнѣйшей русской обители—Кievскаго Печерскаго монастыря. Въ этомъ отношеніи Печерскій монастырь явился послѣдователемъ славнаго греческаго монастыря — Аeonской Горы, гдѣ, при императорѣ Романѣ, была устроена св. Аeonасиемъ „больница больныхъ ради“. Первые иноки нашего Печерскаго монастыря пришли съ Аеона и перенесли съ собою оттуда врачебныя знанія, которыхъ и не преминули насаждать во вновь созданной русской обители. Печерскій Патерикъ передаетъ намъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ подвижникахъ Печерскаго монастыря, прославившихся своимъ врачебнымъ искусствомъ.

Во главѣ ихъ стоитъ *prep. Антоній*, подвизавшійся раньше на Аеонѣ и въ другихъ греческихъ обителяхъ, гдѣ онъ и усвоилъ себѣ начатки медицинскаго знанія. Антоній,—этотъ

„пречудный врачъ“, какъ именуетъ его монастырская хроника,—лично ухаживалъ за больными, которыхъ онъ лѣчилъ, давая имъ вкушать испѣлявшее ихъ „зелье“.

Далѣе монастырская хроника отмѣчаетъ и другого инокаврача, *prep. Агапітія*, излѣчившаго мазью прокаженнаго, котораго тщетно пользовали передъ тѣмъ многіе „врачи, волхвы и иновѣрные люди“ (¹).

Третиимъ и особенно славнымъ врачемъ былъ въ Печерскомъ монастырѣ *prep. Агапитъ*, ближайшій ученикъ преп. Антонія, унаслѣдовавшій отъ него его врачебныя знанія. Прозванный современниками „врачемъ безмезднымъ“, Агапитъ лѣчилъ и монастырскую братію, лѣчилъ и мірянъ, которые во множествѣ обращались къ нему за помощью. Подобно своему учителю, преп. Агапитъ лѣчилъ больныхъ „зелиемъ“ и лично ухаживалъ за ними,—откуда мы вправѣ заключить, что при монастырѣ существовала уже въ то время больница.

Преп. Агапитъ особенно извѣстенъ своею борьбою съ практиковавшимъ въ то время въ Кіевѣ врачемъ—армяниномъ, имени котораго Печерскій Патерикъ намъ не оставилъ,—борьбою, въ которой рельефно отражается очевидно существовавшій въ древней Руси антагонизмъ между медициною мірскою и медициною монастырскою. Этотъ армянскій врачъ, у котораго лѣчился самъ князь и лучшіе бояре, былъ, по словамъ Патерика, „хитръ зѣло во врачеванії, яко прежде того не быти таковому“. Онъ крайне удачно діагностировалъ больныхъ, и, если въ результатахъ являлось предсказаніе смертельнаго исхода, въ такомъ случаѣ онъ уже отказывался отъ лѣченія. Такъ было однажды съ нѣкіимъ бояриномъ, первымъ лицомъ при князѣ Всеволодѣ, которому врачъ предсказалъ смерть черезъ восемь дней. Приведенный въ отчаяніе больной велѣлъ нести себя къ Агапиту; тотъ далъ ему „зелія“ и поставилъ на ноги, вслѣдствіе чего о монастырскомъ врачу разошлась слава по всей землѣ русской. Армянскій врачъ воспыпалъ завистью къ монастырскому цѣлителю и вступилъ съ нимъ въ полемику—„нача укоряти блаженнаго“. Наконецъ, желая поколебать

авторитетъ Агапита, мірской соперникъ его послалъ къ нему присужденного къ казни преступника, давъ ему предварительно выпить яду, съ тѣмъ, чтобы тотъ умеръ на глазахъ монастырскаго врача. Коварный замыселъ не удался: преп. Агапитъ обнаружилъ отраву и спасъ посланнаго, давъ ему противоядія. Отсюда мы вправѣ сдѣлать два вывода: во первыхъ — что уже въ то время существовало у насъ знакомство съ ядами и противоядіями, а во вторыхъ — что уже въ то время между врачами существовали способы конкуренціи, не соответствующіе ихъ высокому призванію и тѣмъ требованіямъ, которыя принято называть въ наши дни „врачебною этикою“.

Вскорѣ представился преп. Агапиту еще болѣе яркій случай доказать свое врачебное искусство. Въ Черниговѣ разболѣлся князь Владиміръ Всеизолодовичъ Мономахъ; долго и усердно пользовалъ князя все тотъ же армянскій врачъ — но безъ всякаго успѣха. Тогда Владиміръ рѣшился обратиться въ Печерскій монастырь, прося игумена прислать къ нему Агапита. Преп. Агапитъ, не выходившій за предѣлы обители и лѣчившій недужныхъ не иначе, какъ въ самомъ монастырѣ, на отрѣзъ отказался исполнить волю князя: „Если я пойду изъ монастыря для князя, отвѣтиль онъ, то долженъ буду дѣлать то же и для простыхъ людей“. Тѣмъ не менѣе онъ послалъ князю своего „зелія“, отъ которого тотъ быстро поправился. Тогда благодарный Владиміръ прислалъ Агапиту богатые дары. „О чадо мое! — сказалъ посланному инокъ, — я никогда и ни отъ кого не бралъ даровъ за лѣченіе“. Только послѣ усиленныхъ настоящій взялъ преп. Агапитъ княжеские дары, но съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ нищимъ.

Заболѣлъ, наконецъ, самъ преп. Агапитъ. Явился, для посѣщенія больного, его соперникъ — армянскій врачъ. Между обоими врачами возникъ медицинскій споръ, во время кото-раго армянинъ, желая удостовѣриться въ познаніяхъ Агапита, спрашивалъ его — какими „зельями“ врачуются различные недуги? Въ результатѣ преній вышло то, что армянскій врачъ, обратившись къ окружающимъ, пришедшимъ съ нимъ изъ города, сказалъ имъ:

— Онъ ничего не смыслитъ въ нашемъ искусствѣ („не умѣть сей ничто же отъ нашей хитрости“)!

Послѣ этого, взявъ больного инока за руку (вѣроятно—посмотрѣвъ его пульсъ), армянинъ предсказалъ ему всего три дня жизни.

— Таковъ то способъ твоего врачеванія („твоего врачеванія образъ“)?—сказалъ преп. Агапитъ.—Ты больше говоришь о смерти, нежели о помоши: если ты искусенъ, то излѣчи меня. Я же тебѣ говорю: смерть моя наступить не черезъ три дня, но черезъ три мѣсяца.

Между тѣмъ, къ Агапиту какъ разъ въ это время прінесли больного, которому онъ далъ своего лѣчебнаго зелья. Арманскій врачъ заинтересовался монастырскою фармакогнозіею, разматривалъ это зелье и сказалъ:

— Это зелье—не изъ нашихъ; я думаю, что оно получено изъ Александріи.

Предсказаніе Агапита исполнилось: онъ скончался черезъ три мѣсяца. Это, по словамъ Патерика, такъ поразило армянскаго врача, что онъ принялъ православіе и постригся въ иноки той же обители, въ которой подвизался преп. Агапитъ (*). Такимъ образомъ, Печерскій Патерикъ разрѣшаетъ описанную борьбу монастырской и мірской медицины—побѣдою первой.

Больницы заводились духовенствомъ и по другимъ областямъ русскимъ; такъ, Никоновская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ XI вѣкѣ (1091 г.) митрополитъ Ефремъ поставилъ въ Переяславлѣ „строеніе бannoе“, устроилъ больницы и приставилъ къ нимъ *врачей*, которые подавали „всѣмъ приходящимъ безмездно врачеваніе“ (³). Извѣстны были представителямъ духовенства нѣкоторые врачебные пріёмы и въ позднѣйшія эпохи; такъ, въ половинѣ XV столѣтія духовникъ больного князя Дмитрія Юрьевича Краснаго, священноинокъ Осія, останавливается у него посредствомъ тампонажіи сильное кровотеченіе изъ носа („затѣну бумажкою ноздри его“), препятствовавшее князю принять св. тайны (⁴). Вспомнимъ, на-

конецъ, дѣятельныя заботы, которыя принимались иноками Троицко-Сергіевої лавры по уходу за ранеными и больными во время знаменитой осады этой обители поляками (начало XVII в.), причемъ монахи не могли, конечно, обойтись хотя бы безъ элементарнаго знанія тѣхъ или другихъ врачебныхъ приемовъ.

Мы видѣли, что уже въ XI вѣкѣ, на ряду съ возникшою у насъ послѣ принятія христіанства церковно-монастырскою медициною, существовала на Руси и медицина свѣтская, мірская, ограничивавшаяся какъ отъ монастырской медицины, такъ и отъ языческаго кудесничества, знахарства, которое строго и упорно преслѣдовалось и церковью, и княжескою властью. Это, до извѣстной степени, уже зачатки будущей научной медицины, имѣющіе въ своей основѣ не суевѣрное поклоненіе таинственнымъ силамъ природы, но болѣе или менѣе сознательное знакомство съ вредными и благопріятными вліяніями природы на человѣческій организмъ, а также съ извѣстными средствами, способными регулировать эти вліянія. Правда, представители монастырской медицины антагонизируютъ этой мірской медицинѣ, даже полемизируютъ съ нею, какъ мы видѣли это на примѣрѣ преп. Агапита, но не преслѣдуютъ ее, такъ какъ эта медицина признается самою государственною властью, если только она, какъ легко сдается намъ, не была даже офиціальною: князья и бояре пользуются ея услугами и, повидимому, даже отдаютъ ей предпочтеніе, предоставляемъ „безмездную“ монастырскую медицину—въ распоряженіе низшихъ классовъ.

Несомнѣнно, что уже въ эпоху великаго князя Ярослава Владимировича на Руси существовали вольные врачи и вольная врачебная практика,—практика „возмездная“, въ противоположность „безмездной“ церковной медицинѣ, ютившейся впослѣдствіе подъ сѣнью монастырей.

Такъ называемая „Краткая Русская Правда“, относящаяся ко второму десятилѣтію XI вѣка, упоминаетъ о такихъ врачахъ: человѣкъ, которому нанесена кѣмъ либо рана, имѣ-

етъ право требовать съ обидчика 3 гривны пени и, сверхъ того, еще особое вознаграждение *лькарю*, который будетъ лѣчить эту рану („ . . . взяти ему за обиду 3 гривны, а лѣтцю-мзда“). Позднѣйшіе списки Русской Правды называютъ это вознаграждение „*льчебнымъ*“, такъ какъ оно предназначается на излѣченіе ранъ и опредѣляютъ размѣръ его въ одну гривну, при трехъ гривнахъ пени, которая взимается за самое преступленіе.

Опуская лишенное всякой исторической достовѣрности свидѣтельство о врачѣ Смерѣ-Половчинѣ, будто бы бывшемъ при великомъ князѣ Владимира Святомъ, укажемъ, что, по свидѣтельству Читії-Миней, уже при князѣ Всеволодѣ Ярославовичѣ въ Киевѣ находилось нѣсколько врачей. Князь Святополкъ Ярославовичъ умеръ отъ „рѣзанія желве“, т. е. отъ хирургической операциіи, заключавшейся въ разрѣзѣ желвака, болѣзненной язвы; несомнѣнно, что эта операциѣ совершиена была не безъ участія одного изъ кіевскихъ врачей (⁴). Преп. Алимпій, какъ мы уже знаемъ, вылечилъ прокаженнаго, котораго тщетно пользовали многіе врачи и „иновѣрные люди“. При Владимира Мономахѣ въ Киевѣ славился, какъ мы это также уже знаемъ, „зѣло хитрый“ врачъ-армянинъ, у котораго лѣчился князь и бояре его. Въ 1130 году князь Юрий Всеволодовичъ, „поемъ *врачевъ*“, т. е. взявъ съ собою врачей, спѣшить подать медицинскую помощь своему боярину Василию, разбившемуся при паденіи съ коня (⁵).

Отъ XII вѣка дошелъ до насъ въ высшей степени интересный разсказъ о Петрѣ Сирянинѣ, „зѣло искусствомъ“ врачѣ черниговскаго князя Николая Давыдовича. Князь этотъ возлюбилъ монашеское житіе, постригся въ иночи Печерскаго монастыря и здѣсь сталъ изнурять плоть свою тяжелымъ трудомъ и постничествомъ. Петръ Сирянинъ часто навѣщалъ своего бывшаго господина и, видя его подвижничество, сталъ преподавать ему гигіеническіе совѣты:

— Князь,—говорилъ Петръ,—тебѣ слѣдуетъ позаботиться о своемъ здоровье; улучши свою пищу, иначе постигнетъ

тебя недугъ, противъ котораго я самъ окажусь бессильнымъ, и тебѣ будетъ грозить преждевременная смерть.

— Братъ Петръ!—отвѣчалъ князь своему врачу:—развѣ ты самъ, когда лечишь больнаго, не удерживаешь его отъ излишней и вредной для него пищи? Я добровольно воздерживаюсь отъ нея, врачую свои душевные недуги.

Когда съ княземъ Николаемъ приключался недугъ,—или „огненное жженіе“, или „водный вредъ“,—тогда врачъ Петръ предлагалъ своему господину врачебное „зелье“; но князь упорно отклонялъ отъ себя всякаго рода медицинскую помощь (?).

Любопытныя свѣдѣнія о врачахъ сохранила намъ извѣстная легенда о Муромскомъ князѣ Петре и княгинѣ Февроніи. Князь Петръ опасно занемогъ. Тщетно лѣчили его муромскіе врачи. Князь поѣхалъ въ Рязанскую землю, наслышавшись много лестнаго о врачахъ этой земли. Но до этихъ врачей дѣло не дошло: князь Петръ былъ излѣченъ дѣвицею Февроніею, которая и сдѣлалась его женою.

Откуда же появляются у насъ всѣ эти врачи, которыхъ мы видимъ на Руси въ XI и XII вѣкахъ?

Съ большою вѣроятностью можно предположить, что уже весьма рано, вслѣдъ за принятіемъ христіанства, появились у насъ греческіе врачи.

Вмѣстѣ съ новою религіею, Византія передала намъ свою книжность, свои идеалы, свои традиціи; она не могла не передать намъ и своихъ медицинскихъ знаній, въ лицѣ врачей, которые должны были появиться въ Киевѣ уже въ свитѣ царевны греческой Анны, супруги первого русскаго христіанскаго князя, св. Владимира.

Черезъ посредство Булгарскаго царства могли проникнуть къ намъ и начала арабской медицины. Арабскіе врачи славились въ ту пору своимъ искусствомъ врачеванія. Греческій императоръ Андроникъ III, жившій въ XIV вѣкѣ и страдавшій болѣзнью селезенки, вызвалъ изъ Персіи арабскихъ врачей для излѣченія его отъ этого недуга; и у насъ

въ концѣ XVI вѣка прибѣгаютъ въ Астрахани къ помощи какого то арабскаго врача для излѣченія царевича Малатъ-Гирея, испорченного крымскими вѣдунами (⁸). Появлялись у насть врачи и изъ другихъ юго-восточныхъ странъ; преданіе говорить о врачу Смерѣ Іоаннѣ, родомъ половчанинѣ, стоявшемъ при Владимірѣ Святомъ; въ эпоху Владимира Мономаха въ Кіевѣ славился уже извѣстный намъ врачъ-армянинъ, а въ Черниговской землѣ видимъ мы не менѣе славнаго врача Петра Сиріянина....

Съ эпохи великаго князя Ярослава I завязываются у насть сношениія съ западною Европою; извѣстно, что дочь Ярослава, Анна, была за-мужемъ за королемъ французскимъ Генрихомъ I. Ничего не можетъ быть удивительнаго въ томъ, что эти вновь завязавшіяся сношениія повлекли за собою прибытие въ Русь иноземныхъ мастеровъ и другихъ знающихъ людей, среди которыхъ могли быть и врачи; мы видѣли, что уже въ эпоху преп. Алимпія въ Кіевѣ имѣлись „иновѣрные“ врачи, безуспѣшно лѣчившіе прокаженнаго кіевлянина.

Таковы были зачатки врачебнаго дѣла, положенные у насть въ удѣльно-вѣчевую эпоху русской исторической жизни. Скудны и отрывочны свѣдѣнія, дошедшія до насть отъ этого периода, но и эти скучныя свѣдѣнія даютъ намъ возможность видѣть, что эта эпоха—была далеко не бесплодною въ этомъ отношеніи. Въ ту пору было два медицинскихъ направлений: одно—церковно-монастырское, другое—свѣтское, мірское. Послѣднее носило даже областной характеръ: были врачи кіевские, черниговские, муромские, рязанские и т. д. Какъ сама древняя Русь распадалась на областныя землины, также точно окрашивалось областнымъ колоритомъ и медицинское дѣло того времени.

II.

Эпоха татарщины.—Возрождение медицины при великомъ князѣ Иоаннѣ III.—Врачи при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ: Теофиль, Марко, Николо.—Эпоха Иоанна IV.—Англійскіе врачи и аптекари русской службы.—Врачи царей Феодора Ивановича и Бориса Годунова.

Настали для русской земли злые времена татарщины, а вслѣдъ за татарскимъ погромомъ началось разложеніе удѣльно-вѣчевыхъ устоевъ государственной и земской жизни. Наступилъ долгій періодъ застое умственной и общественной жизни, когда каждый членъ общества, начиная отъ князя и кончая простымъ смердомъ, думалъ лишь о сохраненіи своей личной и имущественной безопасности среди треволненій этой тяжелой поры русской исторической жизни.

Общественный и умственный регрессъ, характеризующій собою эпоху татарскаго ига, отразился и на постановкѣ врачебнаго дѣла. Положенные въ XI—XIII вѣкахъ зачатки свѣтской медицины—глохнутъ въ эту эпоху; вмѣстѣ съ книжностью—медицина всецѣло удаляется въ монастыри. Если за эту пору мы и встрѣтимъ еще фактъ помощи, оказанной митрополитомъ Алексѣемъ монгольской царицѣ Тайдуллѣ, страдавшей глазною болѣзнью, то за то за весь татарскій періодъ тщетно стали бы мы искать слѣдовъ свѣтской медицины хотя бы въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ видѣли мы ее въ предшествовавшій, удѣльновѣчевой, періодѣ.

Только съ государствованія великаго князя Иоанна III-го, свергнувшаго татарское иго, 2¹/₂, вѣка тяготѣвшее надъ русскою землею, начинается возрожденіе многихъ, остававшихся въ застое, сторонъ внутренней жизни русскаго народа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинается возрожденіе у насъ свѣтской медицины. Въ это же государство ваніе кладется твердое начало нашимъ сношеніямъ съ Западною Европою, откуда начинаютъ проникать къ намъ знанія и различнаго рода искусства.

Весьма важное вліяніе оказалъ въ послѣднемъ отношеніи бракъ в. к. Иоанна III-го съ греческою царевною Софіею Палеологъ. За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ пала завоеванная турками Византійская имперія; все, что было въ Греціи интеллигентнаго — эмигрировало изъ Константинополя въ другія страны и, главнымъ образомъ, въ Италію. Весьма естественно, что многимъ изъ этихъ эмигрантовъ представилось вполнѣ удобнымъ переселиться въ единовѣрную Москву, вслѣдъ за царевною Софіею; и, дѣйствительно, мы имѣемъ лѣтописныя и иные указанія на то, что при московскомъ дворѣ греческій элементъ дѣлается весьма значительнымъ въ послѣдней трети XV-го вѣка.

Великій князь Иоаннъ III былъ расположенъ пользоваться услугами иноземныхъ мастеровъ, вообще. Онъ ихъ дѣятельно привлекалъ на свою службу и въ его государство встрѣчаемъ мы въ Москвѣ иностранныхъ зодчихъ, инженеровъ, артиллеристовъ, литейщиковъ, серебрянниковъ, денежнаго дѣла мастеровъ и, наконецъ — врачей. Въ 1490-мъ году в. к. Иоаннъ III, отправляя въ австрійскому императору посольство, поручаетъ посламъ просить императора о присылкѣ въ Москву опытнаго и искуснаго врача.

Первое упоминаніе о врачи въ государствованіе в. к. Иоанна III-го встрѣчается подъ 1483-мъ годомъ. Въ этомъ году прибылъ на службу къ великому князю врачъ, котораго лѣтописи называютъ *Антономъ Нѣмчиномъ*. Иоаннъ держалъ этого врача въ большой чести, что не избавило его, впрочемъ, отъ весьма печальной участіи. Вскорѣ занемогъ находившійся въ Москвѣ татарскій царевичъ Каракача; Антону Нѣмчину велѣнно было лѣчить его. Лѣченіе было неудачно: царевичъ умеръ. Неизвѣстно, какими мотивами руководствовался въ данномъ случаѣ великий князь, но онъ велѣлъ выдать Антона головою сыну умершаго; татары свели злосчастнаго врача на Москву рѣку и здѣсь, подъ мостомъ, зарѣзали его. Эта кровавая расправа породила настоящую панику среди московскихъ служилыхъ иностранцевъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ

представителей послѣднихъ, извѣстный зодчій и инженеръ Аристотель Фиоравенти, „бояся,—какъ говорить лѣтописецъ,—того же“, сталъ проситься у великаго князя на родину; въ отвѣтъ на эту просьбу Ioannъ приказалъ конфисковать все имущество несчастнаго итальянца, а самого его посадить подъ стражу (⁹).

Участь Антона Нѣмчина не совершенна отбила, однако же, у иноземцевъ охоту нести въ Москву врачебную службу. Въ 1490-мъ году ко двору в. к. Ioanna III пріѣзжаетъ новый врачъ—мастеръ Леонъ Жидовинъ, котораго, вмѣстѣ съ другими иноземными мастерами, вывезли изъ Венеции братъ великой княгини Андрей и великокняжеские послы Дмитрій и Мануйло Ралевы. Недолго попрактиковалъ и этотъ новый врачъ. Заболѣлъ ломотою въ ногахъ („камчугомъ“) сынъ великаго князя, князь Ioannъ Ioанновичъ. Леону велѣно было его лѣчить. Леонъ давалъ ему внутреннія лѣкарства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ дѣлать ему горячія припарки, прикладывая къ тѣлу стеклянки съ горячую водою. Паціентъ разболѣлся и умеръ. Расправа Ioanna III-го съ врачемъ была коротка: его посадили въ тюрьму, а по истечениіи сорока дней съ кончины князя Ioanna—свели на Болвановку и здѣсь отрубили ему голову (¹⁰).

Такова была печальная судьба двухъ первыхъ, послѣ татарщины, иноземныхъ врачей, которымъ суждено было положить начало возрожденію врачебного дѣла въ нашемъ отечествѣ. Не смотря на это, дѣло не заглохло. Намъ ничего не извѣстно о личности Антона Нѣмчина и Леона Жидовина; очень можетъ быть, что это были, дѣйствительно, шарлатаны, ничего не имѣвшіе общаго съ научной медициною и что, поэтому, участъ ихъ,—довольно заурядная, если мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія характера того вѣка,—не могла устрашить и удержать отъ московской службы врачей, дѣйствительно знающихъ.

При сынѣ и преемнике Ioanna III, великому князю Василію Ioанновичу,—который, подобно отцу своему, дѣятельно

заботился о привлеченіи въ свою службу иностранцевъ,—мы видимъ въ Москвѣ трехъ иноземныхъ врачей. На этотъ разъ мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ врачами уже въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Первый изъ нихъ—это нѣкій *Теоѳилъ*, подданный прусскаго маркграфа, взятый въ плѣнъ въ Литвѣ. Въ 1516 году маркграфъ Альбрехтъ требовалъ возвращенія ему этого врача, которымъ, очевидно, дорожили на родинѣ, но в. к. Василій Ioannovichъ не отпустилъ его: „Онъ у насъ,—уклончиво отвѣтилъ великий князь послу маркграфа,—лечить человѣка доброго, и намъ его нынѣ отпустить непригоже, а впредь, если Богъ дастъ—отпустимъ“. Въ 1518-мъ году сдѣлана была вторичная попытка заполучить Теоѳила на родину, но на этотъ разъ полученъ былъ изъ Москвы отвѣтъ, что у Теоѳила „многіе дѣти боярскіе на рукахъ—лечить ихъ; къ тому же, онъ и женился на Москвѣ“. Отсюда мы видимъ, что Теоѳилъ получилъ въ Москвѣ осѣдлость и врядъ ли самъ желалъ вернуться на родину. По крайней мѣрѣ онъ находился въ московской службѣ еще въ 1537 году. Въ этомъ году ему дается любопытное и довольно щекотливое порученіе: онъ производить медицинскій осмотръ князя Андрея Ioannovicha, уклонявшагося отъ службы подъ предлогомъ болѣзни (¹¹).

Второй врачъ в. к. Василія Ioannovicha—грекъ *Марко*, впервые упоминаемый въ источникахъ подъ 1518 годомъ. Въ 1523 году турецкій султанъ просилъ московскаго великаго князя отпустить Марко, какъ турецкаго подданного, въ Константинополь, гдѣ у него оставалась семья. „Марко служить у насъ добровольно,—было отвѣтомъ на эту просьбу,—къ тому же онъ въ настоящее время лечить у насъ новгородскаго намѣстника; лучше пришли къ нему въ Москву его жену и дѣтей“ (¹²).

Третиимъ врачемъ той же эпохи, пользовавшимся особымъ довѣріемъ и расположениемъ великаго князя, является врачъ *Николо*, называемый въ русскихъ источникахъ Нико-

лаемъ Люевымъ. Этотъ Николо, бывшій родомъ изъ г. Любека, является врачемъ уже вполнѣ образованнымъ. Имперскій посолъ Францискъ ди-Колло, посѣтившій въ 1518 году Москву, называетъ его: „Maestro Nicolo Lubacense, professor di medicina et di astrologia et di tutte le scienze fondatissimo“.

Теоѳиль и Николо упоминаются въ 1534 году, въ качествѣ врачей, пользовавшихъ в. к. Василія Іоанновича въ его предсмертной болѣзни. Великій князь занемогъ отъ крошечной болѣчки, появившейся у него на сгибѣ лѣваго бедра; скоро онъ долженъ былъ, благодаря быстро развившемуся болѣзненному процессу, слечь въ постель. Къ больному призвали Теоѳила и Николо; тѣ стали лѣчить его припарками изъ муки съ медомъ и печенымъ лукомъ, а также разными мазями—но болѣзнь не поддавалась лѣченію. Не задолго до кончины великій князь подозвалъ къ себѣ Николо (Николая Люева) и сказалъ ему:

— Другъ! Ты добровольно пришелъ ко мнѣ на службу и видѣлъ мою любовь и милость къ тебѣ.... Скажи правду: можешь ли ты меня вылечить?

— Я помню, государь, твоё добро,—отвѣтилъ врачъ;— для твоей службы я оставилъ отца и мать—но я не въ силахъ воскрешать мертвыхъ!

Тогда умирающій обратился къ окружавшимъ его съ словами:

— Все кончено: Николай изрѣкъ мнѣ смертный приговоръ....

Вскорѣ послѣ этого великаго князя не стало (¹⁹).

Начало второй половины XVI столѣтія весьма знаменательно въ исторіи нашихъ отношеній къ европейскому западу.

Извѣстно, что въ 1553 году начались морскія торговыя сношенія Россіи съ Англіею черезъ Архангельскій портъ,—

сношенія, не оставшіся безъ вліянія на приливъ въ Москву иноземныхъ, именно англійскихъ, врачей.

Въ 1557 году прибыль въ Москву нѣкій Антоній Джекінсонъ, который привезъ царю Іоанну IV, отъ имени королевы англійской Маріи и ея супруга короля Филиппа, льва и львицу и много другихъ подарковъ, а также разныхъ мастеровъ, въ числѣ которыхъ находились и врачи; изъ числа послѣднихъ извѣстно намъ имя доктора Стэндиша.

Но въ то время находились въ Москве уже и другіе англійскіе врачи, изъ которыхъ нѣкоторые прибыли, быть можетъ, одновременно съ Джекінсономъ и Стэндишемъ. Такъ, князь А. М. Курбскій упоминаетъ о докторѣ Арнульфѣ, пользовавшемся особыеннымъ расположениемъ царя Іоанна; въ 1578 и 1582 гг. встрѣчается имя нѣкоего доктора Іоанна (безъ фамиліи); далѣе, извѣстенъ докторъ Еміль Бомелій, долгое время бывшій личнымъ врачомъ Грознаго царя, оставилъ по себѣ печальную память въ мрачныхъ лѣтописяхъ этой эпохи и впослѣдствіе (въ 1580 г.) сожженный Іоанномъ по подозрѣнію въ политическихъ интригахъ; въ 1583 г. упоминается, наконецъ, англійскій хирургъ русской службы Ричардъ Эльмесъ (¹⁴).

Въ 1558 году вступила на англійскій престоль королева Елизавета. Съ этой поры еще болѣе закрѣпились добрыя отношенія между Россіею и Англіею. Царь Іоаннъ IV, какъ извѣстно, былъ весьма хорошо расположенъ къ королевѣ Елизаветѣ, часто ссылался съ нею посольствами, находился съ нею въ личной перепискѣ, получилъ отъ нея орденъ Подвязки и одно время, мучимый призраками боярской крамолы, серьезно помышлялъ даже о пріютѣ въ Англіи; позже, уже въ послѣдніе годы своей жизни, московскій царь сваталъ за себя леди Марію Гастингсъ, принцессу англійской королевской крови.

Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ царь Іоаннъ IV, крайне мнительный въ эту послѣднюю пору своей жизни по отношенію къ своему здоровью, письменно просилъ королеву Ели-

завету прислать ему хорошаго врача. 'Англійская королева не преминула поспѣшить исполненiemъ желанія своего вѣнценоснаго почитателя: „Писаль ты къ намъ, нашъ кровный братъ и пріятель,—пишетъ по этому поводу Елизавета московскому царю,—что надобенъ тебѣ научный и промышленный человѣкъ для твоего здоровья; и я тебѣ посылаю одного изъ своихъ придворныхъ докторовъ, честнаго и ученаго человека. Не потому отпускаю я къ тебѣ его, чтобы онъ мнѣ самой не былъ нуженъ, но зная, что онъ требуется тебѣ и желая тѣмъ выказать свою дружбу: надѣйся и возложи прямое упованіе на этого человека. Да съ нимъ посылаемъ тебѣ аптекарей и барберовъ (т. е. цирульниковъ, фельдшеровъ), людей также честныхъ и знающихъ“.

Этотъ врачъ, присланный королевою царю Иоанну—былъ докторъ *Робертъ Якобъ*, котораго русскіе люди, съ присущею имъ въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ находчивостью, ухитрились окрестить въ „Романа Елизарова“. Онъ прибылъ въ Москву въ 1581-мъ году. Съ нимъ же прибылъ аптекарь *Джемесъ Фрэншиамъ*, также перекрещенный на Москвѣ въ „Якова Астафьевъ“. Докторъ Якобъ былъ у царя Иоанна въ большомъ довѣріи и, помимо своихъ врачебныхъ обязанностей, исполнялъ разнаго рода конфиденціальные порученія царя; такъ, напримѣръ, онъ участвуетъ въ сватовствѣ царя съ леди Гастингсъ. Съ другой стороны, и королева Елизавета сдѣлала для себя изъ Роберта Якоба нечто въ родѣ своего дипломатическаго агента въ Москвѣ: этотъ докторъ неукоснительно отписываетъ своей королевѣ о всѣхъ московскихъ событіяхъ (¹⁵). Такимъ образомъ, слагается интересный типъ врача—дипломата, типъ, который неоднократно повторяется, впослѣдствіе, и въ теченіи XVII-го вѣка.

Робертъ Якобъ былъ не только хорошимъ врачемъ, въ общемъ смыслѣ этого слова, но и хорошимъ акушеромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сама королева Елизавета въ письмѣ къ царицѣ Иринѣ, отъ 24-го марта 1585 года: „Докторъ Якобъ,—пишетъ англійская королева русской царицѣ, рекомен-

дуда ея вниманію этого доктора послѣ кончины царя Иоанна, —прамой докторъ: онъ всякія женскія болѣзни знаетъ, и родильныя болѣзни всякія лѣчитъ, и насть въ нашихъ болѣзняхъ тотъ же Якобъ лѣчилъ, и онъ своимъ разумомъ вамъ въ докторствѣ лучше иныхъ бабъ учнетъ служить” (¹⁶).

Несомнѣнно, что исчисленными выше лицами не исчерпывался весь врачебный персоналъ эпохи царя Иоанна IV. При этомъ государь находились, какъ кажется, еще разнаго рода шарлатаны, эксплоатировавшіе его суевѣrie; такъ, мы знаемъ, что при дворѣ Иоанна имѣлись какіе то астрологи, которые предсказывали ему смерть и которыхъ онъ чуть было не перевѣшалъ въ самый день своей кончины.

Весьма любопытно, что отъ той же эпохи дошло до насть извѣстіе и о русскомъ врачу - самоучкѣ. То былъ пермскій торговый человѣкъ—Строгоновъ, который залѣчивалъ раны, нанесенные Грознымъ царемъ своему любимцу Борису Годунову, вздумавшему защитить отъ отцовскаго гнѣва царевича Ивана. Царь лично осматривалъ „завороты“, сдѣланные Строгоновымъ на ранахъ своего пациента, одобрилъ его искусство, въ воздаяніе за него, пожаловалъ врача-самоучку званіемъ „гостя“, разрѣшивъ ему писать свое отечество съ „вичемъ“, что считалось въ ту пору большимъ отличиемъ (¹⁷).

Къ царствованію царя Иоанна IV слѣдуетъ отнести и основаніе въ Москвѣ *первой аптеки*, первоначально расчитанной лишь на удовлетвореніе потребностей царскаго двора; это событие, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ прибытіемъ въ Москву присланного королевою Елизаветою, вмѣстѣ съ докторомъ Робертомъ Якобомъ, аптекаря Джемса Фрэншамъ. Этотъ аптекарь не долго, впрочемъ, пробылъ въ Россіи. Въ 1583 году онъ былъ отпущенъ на родину, вслѣдствіе личной письменной просьбы о томъ королевы Елизаветы, для свиданія съ своимъ умирающимъ отцомъ, но въ 1602 году снова прїѣзжаетъ на русскую службу,—на этотъ разъ уже съ запасомъ медикаментовъ, интересный списокъ которыхъ сохранился до нашихъ дней (¹⁸).

Преемникъ Грознаго царя, царь Феодоръ Иоанновичъ, также обращался къ королевѣ Елизаветѣ съ просьбою о присылкѣ врача. Королевою исполнена была и эта просьба. Она послала царю Феодору своего собственнаго придворнаго врача—доктора *Марка Ридлея*, человѣка весьма ученаго и опытнаго, изучившаго медицину и получившаго свой докторскій дипломъ въ Кэмбриджскомъ университѣтѣ. Этотъ ученый врачъ недолго послужилъ въ Москвѣ: въ 1598 году, съ кончиною царя Феодора Иоанновича, онъ уѣхалъ обратно на родину, гдѣ сдѣлался впослѣдствіе членомъ Лондонской коллегіи врачей, оставивъ по себѣ также память, какъ о писателѣ.

Находился при дворѣ царя Феодора Иоанновича и другой врачъ, нѣкій *Павелъ Цитадинъ*, первоначальное прибытие котораго въ Россію относится еще къ предшествовавшему царствованію. Мы узнаемъ о существованіи этого врача лишь изъ письма къ царю Феодору французскаго короля Генриха IV-го, въ которомъ король просить отпустить на родину врача Павла Цитадина, давно уже служащаго въ Москвѣ, а теперь устарѣвшаго и желающаго возвратиться къ своимъ близкимъ (¹⁸).

Не мало прилагалъ заботъ къ привлечению въ Россію разнаго рода иноземцевъ-спеціалистовъ, въ томъ числѣ и врачей, и царь Борисъ Феодоровичъ. Онъ также приглашалъ на свою службу англійскихъ врачей и алтекарей, прибываю для этой цѣли къ посредничеству королевы Елизаветы. Послѣдняя прислала къ нему въ 1599 г. доктора *Томаса Виллиса*, давъ ему при этомъ и нѣкоторая политическія порученія. Это послѣднее обстоятельство возбудило недовѣріе къ Виллису со стороны умнаго и проницательнаго Бориса; онъ, очевидно, не очень то довѣрялъ врачу-дипломату и считалъ такое совмѣстительство не совсѣмъ для себя удобнымъ, несмотря на крайне лестныя рекомендациіи, данные Виллису англійскою королевою. Надо было сплавить этого подозрительнаго доктора болѣе или менѣе деликатнымъ образомъ. И вотъ печатнику Василію Щелкалову поручается произвести ему

экзаменъ. Это одинъ изъ курьезнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи медицинскаго дѣла въ Россіи до Петра I.

— Ты сказываешься докторомъ,—сказалъ Щелкаловъ.—А есть ли у тебя докторская грамота, и докторскія книги, и лѣчебная зелья?

— Были у меня докторскія книги, да оставилъ я ихъ въ Любекѣ, чтобы меня пропустили сюда,—отвѣчалъ Вилліссъ.—Не взялъ я съ собою и докторскихъ зельевъ, такъ какъ насъ, докторовъ, къ вамъ не пропускаютъ.

— А какъ узнаешь ты въ человѣкѣ болѣзни,—продолжалъ допытываться Щелкаловъ:—по водамъ или по жиламъ?

— Въ человѣкѣ всякую болѣзнь можно узнать и безъ книгъ,—отвѣчалъ врачъ.—Легкую болѣзнь можно познать, разумомъ, по водамъ, а тяжкую болѣзнь можно распознать и по жиламъ. Впрочемъ,—добавилъ Вилліссъ,—у меня имѣется и старая докторская книга: она у меня—въ головѣ.

Василій Щелкаловъ не удовлетворился этими объясненіями: Виллісу вѣрно было уѣзжать обратно на родину (²⁰).

Послѣ этой неудачной попытки добыть врачей черезъ посредство англійской королевы, Годуновъ предпринимаетъ самостоятельную попытку въ томъ же направленіи: въ 1600 году онъ командируетъ въ Любекъ и другіе города иностранца Рейнгольда Беккмана, съ тѣмъ, чтобы тотъ подыскалъ ему тамъ опытныхъ и знающихъ дѣло врачей.

Старанія царя Бориса не остались безъуспѣшными: ему удалось раздобыть нѣсколькихъ иноземныхъ врачей. Таковы: лифляндецъ *Іоганъ Гильке*, венгерецъ *Ритлендеръ*, прибывшій въ 1600 г., и, наконецъ, врачи *Каспаръ Фидлеръ*, *Васмеръ* и *Шредеръ*, вывезенные изъ Любека Р. Беккманомъ. Личный составъ врачей былъ при дворѣ царя Бориса уже настолько значителенъ, что онъ могъ образовать изъ нихъ консиліумъ для лѣченія внезапно заболѣвшаго въ Москвѣ датскаго принца —жениха царевны Ксении (²¹).

Не трудно вывести изъ всего сказанного выше заключение, что уже къ началу XVII вѣка приняты были довольно дѣятельныя мѣры для болѣе или менѣе твердой постановки у насъ начатковъ врачебнаго дѣла. Правда, многое первобытнаго, несовершенного, узкаго представляютъ собою эти мѣры, но, какъ бы то ни было, начало дѣлу было положено. XVII вѣку оставалось лишь идти далѣе по тому пути, который былъ намѣченъ ему второю половиною XVI столѣтія.

III.

Основаніе Аптекарскаго Приказа. — Его компетентность и лица, ему подвѣдомственныя. — Старая московская аптека. Ея дѣятельность. — Новая московская аптека, ея назначеніе и организація. — Старинная русская фармакогностія и фармакологія. — Травники. — Аптекарскіе огороды.

Начало XVII-го столѣтія отмѣчено явленіемъ, весьма знаменательнымъ въ исторіи русской медицины. Этимъ явленіемъ было учрежденіе *Аптекарскаго приказа*, то есть центральнаго правительственноаго установлѣнія, въ которомъ сосредоточилось теперь вѣданіе всего врачебнаго дѣла.

Точное время возникновенія Аптекарскаго приказа — неизвѣстно, хотя существуютъ весьма вѣсѣкіе доводы въ пользу того, что онъ существовалъ уже въ началѣ XVII вѣка, если только время возникновенія его не можетъ быть отодвинуто даже до конца XVI столѣтія. Такъ, Маржеретъ, напечатавшій свои записки о Россіи въ 1607-мъ году, уже упоминаетъ въ нихъ объ „аптекарскомъ бояринѣ“; но еще раньше, въ письмовой книжѣ Вяземскаго уѣзда, относящейся къ концу XVI вѣка, идетъ рѣчь о „подъячемъ Аптекарскаго приказа“, откуда мы вправѣ заключить, что уже въ концѣ этого вѣка не только существовало это учрежденіе, но что за нимъ уже установленоѣ то самое название, съ которымъ мы встрѣчаемъ его въ XVII столѣтіи (22).

Основаніе Аптекарскаго приказа имѣло весьма важное значение: теперь возникло центральное правительственное у становленіе, въ которомъ сконцентрировалось все вѣданіе вра чебнаго дѣла въ Россіи и, такимъ образомъ, внесена была известная система въ сферу попечительной дѣятельности государства, остававшуюся до сихъ поръ безъ всякой регламентаціи и подвергавшуюся всѣмъ вліяніямъ случая.

Внутренняя организація Аптекарскаго приказа была ана логична организаціи и всѣхъ другихъ приказовъ Московскаго государства. Аптекарскому приказу придавалось весьма важное значение. Это видно изъ того, что во главѣ этого учрежденія всегда стояли весьма заслуженные бояре, пользовавши ся особымъ довѣріемъ государей; такъ, во главѣ Аптекар скаго приказа послѣдовательно стояли въ теченіи XVII вѣка такие выдающіеся государственные люди, какъ бояре: И. Б. Черкасскій (1637 г.), Ф. И. Шереметевъ (1642 г.), Б. И. Морозовъ (1646 г.), И. Д. Милославскій (1662—1688 г.г.), А. С. Матвѣевъ (1673 г.), князь Н. И. Одоевскій (1678—1686 г.г.), князь Я. Н. Одоевскій (1689 г.).

Аптекарскій приказъ вѣдалъ, какъ выше было сказано, организацію всего врачебнаго дѣла въ Московскомъ государ ствѣ. Въ этомъ отношеніи ему былъ подвѣдомственъ обшир ный контингентъ лицъ, соприкосновенныхъ къ врачебному дѣлу. Не упоминая о канцелярскихъ чинахъ этого приказа, скажемъ лишь о персоналѣ врачей и другихъ специалистовъ, вѣдавшихся здѣсь. Въ составѣ этого персонала входили слѣ дующія должностныя лица:

1. *Доктора.* Подъ докторами разумѣлись, собственно, врачи—терапевты, лѣчившіе внутреннія болѣзни.

2. *Лѣкаря*, то есть хирурги,— какъ они и называются въ иностранныхъ подлинникахъ дѣлъ Аптекарскаго приказа. Лѣкаря всегда строго ограничивались отъ докторовъ. Такъ, когда въ 1623 году нѣсколько врачей были командированы для

освидѣтельствованія внутренней болѣзни бывшей царской не-вѣсты, дѣвицы Маріи Хлоповой, тогда лѣкарь Балсыръ, находившійся въ этой комиссіи, объявилъ — „что онъ мимо дохтура лечить не умѣть: тое болѣзнь знаютъ дохтуры, а онъ, лѣкарь, того не знаетъ“ (²³).

3. *Аптекаря*, завѣдовавшіе царскими аптеками. Въ подчиненіи имъ находился низшій фармацевтическій персоналъ, какъ-то: алхимисты, дистилляторы („водочные перепущики“), аптекарские ученики и травники, собиравшіе для потребностей царскихъ аптекъ различныя цѣлебныя травы.

4. *Окулисты*, то есть глазные врачи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности — оптики.

5. *Цируръники* („барбера“), *рудометы* (кровопускатели), *костоправы* и *подѣлѣкари* — составлявшіе низшій врачебный персоналъ.

6. *Часовыхъ дѣлъ мастера*, которые, почему-то, также числились въ вѣдомствѣ Аптекарского приказа.

Затѣмъ въ Аптекарскомъ приказѣ вѣдался цѣлый рядъ другихъ лицъ, отправлявшихъ при немъ различныя обязанности, напримѣръ: переводчики, огородники, сторожа и т. п., на которыхъ мы останавливаться не будемъ.

Всѣ упомянутыя выше лица вѣдались всецѣло Аптекарскимъ приказомъ. Этотъ приказъ принималъ ихъ на службу, назначалъ имъ жалованье, распредѣлялъ между ними обязанности, увольнялъ ихъ отъ службы; здѣсь же вѣдались всѣ эти лица судомъ и расправою, такъ что Аптекарскій приказъ принималъ по отношенію къ нимъ характеръ судебнаго усташновленія.

Источники сохранили намъ нѣсколько исчисленій персонала лицъ, состоявшихъ на службѣ Аптекарского приказа. Такъ, въ 1644-мъ году на службѣ его числились: 3 доктора, 2 аптекаря, 1 окулистъ, 2 алхимика, 3 лѣкаря, 1 часовыхъ дѣлъ мастеръ и 1 переводчикъ; въ 1678—1680 гг.: 3 доктора, 1 надзиратель новой аптеки, 4 аптекаря, 2 алхимика, 2 аптекарскихъ мастера, 8 лѣкарей, 8 учениковъ, 1 огород-

никъ и 2 переводчика; въ 1692 г.: 6 докторовъ, 7 аптекарей, 4 лѣкаря, 2 аптекарскихъ помощника, 12 подлѣкарей, рудометовъ и циурльниковъ, 1 костоправъ, 1 чепучиннаго дѣла мастеръ, 1 спиртовый перепущикъ и затѣмъ контингентъ лекарскихъ и аптекарскихъ учениковъ и травниковъ (*).

Аптекарскій приказъ имѣлъ свой собственный бюджетъ доходовъ и расходовъ. Доходы получались изъ средствъ, отчислявшихся для его содержанія отъ другихъ приказовъ,—главнымъ образомъ изъ Приказа Большого Дворца и Приказа Большой Казны, а во второй половинѣ XVII столѣтія, когда была учреждена въ Москвѣ Новая аптека, для продажи изъ нея лѣкарствъ частнымъ лицамъ, тогда у Аптекарского приказа образовался свой собственный, и довольно значительный, источникъ доходовъ. Въ 1682 году бюджетъ Аптекарского приказа представлялся, напримѣръ, въ слѣдующемъ видѣ: приходъ — 10,130 руб. 8 денегъ, расходъ — 9,876 руб. 2 деньги, такъ что въ этомъ году рассматриваемый нами приказъ имѣлъ уже около 250 руб. чистаго дохода; въ 1694 году, за девять мѣсяцевъ, доходъ Аптекарского приказа выразился въ суммѣ 7,261 р. 19 $\frac{1}{2}$, кол., расходъ — въ суммѣ 6,520 р. (**).

Во второй половинѣ XVII вѣка часть зданія Аптекарского приказа была приспособлена для помѣщенія учрежденія, имѣющаго весьма мало общаго съ врачебнымъ дѣломъ: въ верхнемъ этажѣ этого зданія была устроена „комедійная храмина“, т. е. театръ; въ 1676 году состоялось распоряженіе, въ силу котораго повелѣно „подъ Аптекарскимъ приказомъ палаты, которые заняты были на комедію — очистить, и что въ тѣхъ палатахъ были органы и прекспективы (декораціи), и всякие комидійные припасы — все свезть на дворъ, что бывалъ боярина Никиты Ивановича Романова“ (**). Мы не имѣемъ определенныхъ указаній на мѣстность, въ которой расположены были зданія Аптекарского приказа; несомнѣнно, впрочемъ, что они помѣщались въ Кремлѣ, противъ Чудова монастыря и соборовъ, гдѣ находилось большинство приказовъ того времени.

Кромъ врачебнаго и административнаго персонала, въ ближайшемъ подчиненіи Аптекарскому приказу находились *две московскія аптеки*—Старая и Новая.

Первая изъ нихъ была учреждена, какъ мы видѣли это выше, уже въ концѣ XVI-го вѣка и основаніе ея находится въ связи съ прибытиемъ въ Москву аптекаря Джемса Фрэншама, присланнаго въ 1681 году изъ Англіи, по просьбѣ царя Иоанна IV-го, королевою Елизаветою, вмѣстѣ съ докторомъ Робертомъ Якобомъ и другими специалистами врачебнаго дѣла. Вторая аптека,—Новая,—основана не раньше второй половины XVII-го вѣка; въ 1672 году встрѣчаемъ мы указъ объ отводѣ подъ нее помѣщенія, и трудно допустить, что бы она могла существовать раньше этого года, такъ какъ Котошихинъ говоритъ въ своемъ сочиненіи „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, написаномъ въ 1666—67 году, только обѣ одной аптекѣ (²⁷).

Старая царская аптека была учрежденіемъ съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣйствія: она была основана для потребностей царского двора. Только въ началѣ второй половины XVII-го столѣтія стала допускаться продажа изъ этой аптеки лѣкарствъ частнымъ лицамъ,—до этого же времени получение ихъ отсюда частными лицами было обставлено большими формальностями: для этого требовалось челобитье на имя государя, на каковое могли отваживаться, конечно, лишь служилые люди высшихъ чиновъ. Такъ, въ 1630 году, напримѣръ, князю Ивану Катыреву—Ростовскому, страдавшему головными болями, потребовались нѣкоторыя снадобья, имѣвшіяся въ царской аптекѣ. И вотъ онъ бѣть государю челомъ: „Пожалуй меня, холопа своего,—пишетъ князь Иванъ въ своеемъ челобитыи,—вели, государь, мнѣ дать, для моей головной болѣзни, изъ своей государевой аптеки, своихъ государевыхъ маслъ“.... Далѣе слѣдуетъ перечень лѣкарственныхъ веществъ, необходимыхъ челобитчику для излѣченія его „головной болѣзни“; здѣсь исчислено цѣлыхъ 18 средствъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ: масла коричневое, гвоздичное, мускатное,

анисовое, водки (настои) мятовая, свороборинная, финиковелевая и др. „Царь, государь, смилийся пожалуй!“ — такъ заканчиваетъ князь Катыревъ свое челобитье. На челобитье послѣдовала резолюція, въ силу которой челобитчику велько отпустить: иноземныхъ маслъ — по одному золотнику, московскихъ маслъ — по 5 золотниковъ, „водокъ“ — по фунту (*).

Отпускались изъ царской аптеки лѣкарственные вещества и для знатныхъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. Такъ, до нашихъ дней сохранилось цѣлое дѣло Аптекарского приказа объ отпускѣ снадобій для двора, находившаго въ 1644 году въ Москвѣ, королевича Вольдемара; эти снадобья отпускались по латинскимъ и нѣмецкимъ рецептамъ, доставлявшимся въ Аптекарскій приказъ за подписью придворного маршала высокаго гостя, нѣкоего Адама Гейнриха Пентца. По этимъ требованіямъ снадобья отпускались и самому королевичу, и его свитѣ, и его прислугѣ, и даже его лошадямъ. Каждый рецептъ переводился въ Аптекарскомъ приказѣ на русскій языкъ, наводилась справка о наличии требуемыхъ средствъ въ царской аптекѣ и затѣмъ давались резолюціи объ отпускѣ по поданнымъ рецептамъ лѣкарствъ; все это тщательно записывалось въ книгу. При этомъ часто требовались отъ докторовъ Аптекарского приказа свѣдѣнія о томъ, — противъ какихъ именно недуговъ употребляются значащиа здѣсь врачебныя средства?

Такъ, напримѣръ, въ Аптекарскій приказъ поступаетъ рецептъ слѣдующаго рода:

„Rcp: Herbar. prunellar. mjjj.
 „ plantagin.
 „ equiset. aamjβ.
Rad. tormentill.
Uvularia aa3vj.
Cortic. granator.
Sem. plantag.
 „ cydonior. aa3β.“

и т. д.

Въ книги Аптекарского приказа этотъ рецептъ былъ занесенъ въ слѣдующемъ переводѣ: „Переводъ съ росписи, какова прислана изъ Посольского приказу, и что по той росписи лѣкарствѣ надобѣть къ королевичу на дворѣ: травы прунелли 2 горсти, травы попутниковой—тожъ; травы экви-сетомъ—полторы горсти; корень турментиль, уфуларія—по 6 золотниковъ; коры гранаторомъ; сѣмени попутниково, сѣмени сидонгоромъ по 3 золотника“ и т. д. „И по приказу боярина Ф. И. Шереметева,— читаемъ далѣе,—Аптекарского приказа доктуры допрашиваны: отъ какія болѣзни тѣ лекарства годны? И доктуры, смотря росписи, сказали: годны де тѣ лекарства отъ жару, у кого жаръ въ гортани, и тѣми лекарствами ротъ полощутъ“.

Или, напримѣръ, читаемъ въ этомъ же дѣлѣ такого рода записи: „Сентября въ 6 день отпущенено духу виннаго склянница; и то годно мазать по суставамъ отъ лому.— Сентября въ 8 день отпущенено 5 статей лекарствѣ; а тѣ лекарства годны къ ранамъ и къ болѣкамъ.— Сентября въ 26 день отпущенъ составъ 23-хъ статей, годенъ ко всякимъ немощамъ, въ которыхъ немощахъ лекарства принимаются пропускные, а тѣ немощи именуются *кевалъя*, то есть: какъ голова гораздо шумитъ и въ ушахъ шумитъ, да коли бываютъ потоки изъ головы на грудь и отъ того кашель и одышье, да когда желудокъ и чрева не чисты и отъ того зачинаются лихорадки, да когда печень и селезенка засорится и отъ того зараждается цынга, или водяная, или желтая болѣзнь, и у кого въ составахъ ломъ великий“ (²⁰). Такимъ путемъ записная книги Аптекарского приказа представляли собою цѣлую фармакологію, по которымъ и русскіе люди, обращавшіеся около аптеки и дѣль Аптекарского приказа, усвоивали себѣ нѣкоторыя элементарныя врачебныя свѣдѣнія,—по крайней мѣрѣ ознакомлялись съ дѣйствиемъ тѣхъ или другихъ аптекарскихъ снадобій на организмъ человѣка.

Отмѣчу нѣкоторыя другія средства, выписывавшіяся изъ царской аптеки для двора королевича Вольдемара, съ означе-

ниемъ подлиннаго русскаго перевода ихъ: „Rad. chinae rufae non carios“ (Корени хины — 1^{1/4}, фун.), „Essent. chinae“ (ассенція изъ корени хины — 18 золотн.), „Rad. Altheae“ (корень проскурнику большаго); затѣмъ, въ числѣ лѣкарственныхъ веществъ, фигурируютъ также слѣдующія *): листъ александрийскій, кремортарторъ, бобровая струя, индѣйскій бальзамъ, кубеба, лауданумъ, тертая оленья кость, дерево родіумъ, святое дерево (*lign. Guajaci*); встречаются и такія средства, какъ: сало человѣчье (*ping. humani*), сало „курячье“, сокъ изъ красныхъ червей (*succ. lumbriticor.*) и т. п. (³⁰).

Въ военное время отпускались изъ Аптекарскаго приказа лѣкарственные снадобья въ полки. Такъ, въ 1633 году отправлены къ стоявшему подъ Бѣлымъ воеводѣ кн. Прозоровскому два лѣкаря „со всякими лекарствы“, такъ какъ, по донесенію воеводы, въ его полкахъ „многіе ратные люди отъ ранъ помираютъ“. Въ томъ же году отпущенъ въ походъ съ В. И. Стрѣшневымъ лѣкарь и при немъ цѣлый ассортиментъ лѣкарствъ, въ числѣ которыхъ упоминаются: сахаръ розмариновый, масло купоросное, бальзамъ натуралистъ, пластырь „стиптикумъ“, мазь „діалта“, масло анисовое, опіумъ „етабаихомъ“, пластырь „діакалма“, терпентинъ и мн. др. (³¹).

Отпускались изъ царской аптеки снадобья и для нѣкоторыхъ другихъ потребностей. Такъ, въ 1631 году, по требованію патріарха, отпускается отсюда для муроваренія 10 фунтовъ „доброго янтарю“. Отпускаются отсюда во дворецъ различные специ для водокъ (корица, анисъ, патока); въ другихъ случаяхъ отпускаются снадобья для „государева мыльного состава“, для благовонныхъ куреній, для бѣлизы и т. п. (³²).

Особенно сложными процедурами былъ обставленъ отпускъ изъ аптеки лѣкарствъ для царя или членовъ царской семьи. „Отборныя“ врачебныя средства, которыя могли быть „пристойными про великого государя“ — хранились въ аптекѣ въ особой комнатѣ („особенно въ казенкѣ“), находившейся за

*) Приводимъ только русскія названія ихъ.

печатью дьяка Аптекарского приказа; безъ этого дьяка никто не имѣлъ сюда доступа, не выключая царского доктора и аптекарей; докторамъ же, на которыхъ мало надѣялись, не было сюда вовсе доступа. Самыя врачебныя средства стояли здѣсь въ запечатанныхъ склянкахъ и ящикахъ (³³). Рецептъ, прописанный докторомъ для царя, поступалъ въ Аптекарскій приказъ при „сказѣ“, т. е. донесеніи, въ которой описывались вошедшія въ лѣкарство вещества и ихъ дѣйствіе на организмъ. Сказка эта докладовалась царю начальникомъ Аптекарского приказа и, если слѣдовала царскаго резолюція: „то лекарство составя приготовить“, — въ такомъ случаѣ рецептъ поступалъ въ аптеку, гдѣ лѣкарство составлялось наиболѣе довѣренными докторами и аптекарями, въ особо пред назначенной для того комнатѣ, куда никому, кроме этихъ лицъ и дьяка Аптекарского приказа, не было доступа. Самый рецептъ записывался, въ русскомъ переводѣ, въ книги Аптекарского приказа; здѣсь же отмѣчались имена составителей лѣкарства и имя лица, принявшаго его для передачи во дворецъ. Но этимъ не исчерпывались всѣ мѣры предосторожности. Приготовленное для дворца лѣкарство отвѣдывалось докторами, его прописавшими, затѣмъ предсѣдателемъ Аптекарского приказа и, наконецъ, лицомъ, которому оно было сдано для доставленія „въ верхъ“; это лицо назначалось, обыкновенно, изъ числа высшихъ придворныхъ чиновъ. Докторъ Розенбургъ, лейбъ-медикъ царя Алексѣя Михайловича, рассказывалъ, что ему однажды пришлось выпить цѣлую склянку лѣкарства, приготовленнаго для царицы, только потому, что оно вызвало тошноту у одной ближней придворной, пробовавшей это лѣкарство передъ поднесенiemъ его царице (³⁴).

На случай царскихъ выѣздовъ въ „походы“ или путешествія, въ вѣдомствѣ Аптекарского приказа имѣлась еще особая царская походная аптека. До насъ дошло подробное описание этой аптеки, сдѣланное въ 1673 г., при снаряженіи ея въ виду предстоявшаго царскаго путешествія въ Троицко-

Сергіевъ монастырь. Эта аптека заключалась изъ ковчежца („шкатула“), раздѣленнаго на 4 ящика, двухъ коробовъ съ настоями („водками“), травами и аптекарскою посудою и „запомскаго ящика съ вѣсками и скрупонаами“. Въ отдѣльныхъ ящикахъ ковчежца размѣщались разнаго рода масла (коричное, янтарное, гвоздичное, мускатное, миндалевое горькое и сладкое и др.), элексиры и эссенціи (эл. пропріетатисъ, эс. мартисъ аператива и мартисъ адстрингенсъ и др.), сахары, сиропы, соли, пластири, порошки (отъ глистъ, насморка, кашля, „пургацейный“ и др.); фигурируютъ здѣсь же, въ качествѣ врачебныхъ средствъ: сиропъ „изъ жеребячья юпита“, „духъ изъ червей“; „духъ изъ муравьевъ“, безуя „съ инроговою костью“ и т. п. Въ числѣ аптекарскихъ принадлежностей фигурируютъ: вѣсы съ разновѣсомъ, кружки, кулганы, сковородка, противень, ножницы, иглы, воскъ, холстъ и т. п. (³⁹).

Около 70-хъ годовъ XVII-го столѣтія въ Москвѣ основана была, какъ мы это уже видѣли, вторая аптека, называвшаяся, въ противоположность первой — *Новою*. Если Старая аптека была предназначена, почти исключительно, для потребностей царскаго двора — то за то эта Новая аптека была предназначена для вольной продажи врачебныхъ средствъ всѣмъ желающимъ, а потому и была учреждена на коммерческихъ основаніяхъ. Въ видахъ такого назначенія своего, она была помѣщена въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣсть-столицы — на Новомъ гостинномъ дворѣ, тогда какъ Старая аптека помѣщалась въ кремль. Тѣмъ не менѣе, она была подчинена Старой аптекѣ, составляя какъ бы отдѣленіе ея, и, вмѣстѣ съ нею, состояла въ вѣданіи Аптекарскаго приказа.

До нась дошло извѣстіе о штатѣ Новой аптеки въ 1677-мъ году. Въ этомъ году состояло въ ней „у приема и у продажи лекарствъ“ три аптекаря (Романъ Биніанъ, Іоганъ Гутменшъ и Іоганъ Гутберъ), одинъ алхимистъ (Іоганъ Зеттигасъ) и одинъ русскій аптекарскаго дѣла мастеръ (Василій Шиловъ). Для записи приходовъ и расходовъ прикомандированъ былъ въ аптекѣ подъячій аптекарскаго приказа (Захаръ Навроцъ).

кій); сверхъ того, въ штатѣ аптеки имѣлись присяжные кассиры („цѣловальники“) и подьячіе для письмоводства.

Аптекари должны были вести при аптекѣ, „для продажи лѣкарственной“, дежурства, чередуясь по одному и оставаясь въ аптекѣ со второго часа (по восходѣ солнца) до вечерняго благовѣста. Аптекарь, не явившійся на дежурство безъ уважительной причины, а равно опоздавшій на дежурство или рано оставившій его, подвергался вычету изъ жалованья; для контроля надъ дежурствами, при аптекѣ велась особая книга дежурствъ, ежемѣсячно доставлявшаяся, для контроля, въ Старую аптеку.

Аптекари вели подробныя инвентарныя книги ввѣренной имъ аптеки, постоянно отмѣчая въ ней наличность лѣкарственныхъ веществъ, съ оцѣнкою ихъ. Кромѣ того, при аптекѣ имѣлась еще особая „цѣновная книга“, т. е. такса, по которой должны были продаваться отсюда лѣкарства „всякаго чину людямъ, безъ задержанья“ (³⁶).

Весьма интересна сохранившаяся до нашихъ дней инструкція, данная аптекарямъ Новой аптеки. Они обязаны заботиться о томъ, чтобы аптека была всегда снабжена надлежащимъ ассортиментомъ снадобій, пріобрѣтая ихъ въ выгодное для покупки время года, заботясь о казенномъ интересѣ и прибыли—„помяя страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованье“. Дежурные аптекари обязаны лично, „стоя у вѣсовъ“, отпускать лѣкарства, сдавая дневную выручку цѣловальникамъ, которые записываютъ ее въ „книги сборовъ“, а деньги прячутъ въ особый ящикъ. Эти цѣловальники, по письменнымъ требованіямъ аптекарей, дѣлаютъ изъ находящихся у нихъ на рукахъ сборныхъ денегъ всякаго рода выдачи на потребности аптеки,—„на покупки и расходы, и на запасныя лѣкарства, и на строеніе“,—а затѣмъ оставшіяся суммы, вмѣстѣ съ мѣсячнымъ отчетомъ, сдаются въ Аптекарскій приказъ (³⁷).

Приведемъ нѣкоторыя данные о продажной цѣнѣ различныхъ лѣкарственныхъ веществъ, заимствованныя нами изъ

книги продажъ, относящейся къ 70-мъ годамъ XVII столѣтія. Самыми дорогими изъ проданныхъ средствъ являются *): Bezoar orientale (2 рубля золотникъ), Margarithae praeparatae (1 рубль золотникъ), Unguentum e cancris, U. de althea, U. e spermate ceti (по 28 алтынъ за $1\frac{1}{2}$ — 24 золотника), Oleum menthae (10 алт. золотникъ), Pulvis antidyssentericus (2 алт. золотникъ), Confectio alkermes (16 $\frac{1}{2}$, алт. золотникъ), Aqua ophthalmica (8 денегъ золотникъ) и т. п.; наиболѣе дешевыми средствами были: Elixir vitae Mathioli (30 алт. 4 деньги за фунтъ), Cortex aurantiorum (5 алт. фунтъ), Radix enulae (13 алт. фунтъ), Oleum terebinthinae (32 алт. фунтъ), Spiritus vini (3 алтынъ 2 ден. за 10 золотниковъ), Semen Santonici (2 деньги золотниковъ) и т. д. (³⁸).

Годовой доходъ Новой аптеки былъ довольно значительнымъ, — конечно, по условіямъ того времени: онъ простирался до 4000—4500 руб. въ годъ.

Что касается внутренняго благоустройства московскихъ аптекъ, то оно вызывало самые лестные отзывы современниковъ, отличаясь не только полнотою и изобилиемъ своего инвентаря, но даже известною роскошью. Одинъ изъ иностранныхъ авторовъ замѣчаетъ, что онъ „можетъ сказать по-истинѣ, что никогда не видывалъ столь превосходной аптеки“. Вся аптечная посуда была изъ шлифованного хрустала, съ позолоченными крышками; нѣкоторыя аптечныя принадлежности сдѣланы были даже изъ чистаго серебра (³⁹).

Такова была организація московскихъ царскихъ аптекъ XVII столѣтія. Посмотримъ теперь, откуда и какъ пополнялись онѣ тѣми врачебными средствами, которыя необходимы были для цѣлесообразнаго функционированія ихъ.

Всѣ лѣкарственныя вещества, необходимыя для московскихъ царскихъ аптекъ, приобрѣтались отчасти — заграницею, а отчасти добывались и въ предѣлахъ русскаго государства.

*). Ореографія подлинника.

Намъ уже извѣстно, что во второй половинѣ XVI-го столѣтія появились въ Москвѣ англійскіе аптекари, которые и положили начало русскому фармацевтическому дѣлу. Такъ, уже аптекарь Джемсъ Фрэншамъ, во вторичный пріѣздъ свой въ Москву въ 1602-мъ году, привезъ съ собою запасъ лѣкарственныхъ снадобій, опись которыхъ уцѣлѣла до нашихъ дней. Въ числѣ этихъ снадобій значатся: различного рода масла, эссенціи, спирты и настои („водки“), кореня и коры, сиропы, гумми и мастики, сѣмяна и т. п. вещества; здѣсь же встрѣчаемъ мы: розмаринъ, какую то „водку доктора Стефана“, кохлеарную водку, гумми бензое, гумми драконисъ, опопонаксъ, тартаръ бѣлый, корень королинъ, александрийскій листъ, горькій миндалъ, шалфей, аloe, сѣрный цвѣтъ, терпентинъ, сѣмя апія, кубебу, кантариды, ляписъ (*lapis smiridis* и *l. judaei*), камфору, разные виды перца, опіумъ, тиміанъ и т. п.—всего 164 вещества (*).

Выписка изъ заграницы аптекарскихъ матеріаловъ часто практиковалась и въ послѣдующіе годы XVII столѣтія. Англія, Германія и Голландія—были главными странами, которые пополняли запасы московскихъ царскихъ аптекъ. Иногда для закупки лѣкарственныхъ веществъ посылались изъ Москвы заграницу специальная лица, обыкновенно изъ иноземцевъ; въ другихъ случаяхъ лѣкарственные вещества выписывались изъ заграницы Аптекарскимъ приказомъ черезъ своихъ иностранныхъ агентовъ или же привозились съ собою иноземными врачами, приглашаемыми въ русскую службу; покупались эти вещества и въ Архангельскомъ портѣ, куда они привозились на корабляхъ, для продажи, англійскими купцами (¹).

Иноземные лѣкарственные вещества пріобрѣтались изъ заграницы нерѣдко по баснословно-дорогимъ цѣнамъ; въ особенности относится это къ нѣкоторымъ цѣннымъ веществамъ, которые, по медицинскимъ воззрѣніямъ того времени, считались весьма дѣйствительными, но вѣра въ силу которыхъ впослѣдствіе исчезла въ самой западной Европѣ. Сюда отно-

сятся, напримѣръ— „инроговы рога“, т. е. рогъ единорога. Аптекарскій приказъ былъ весьма озабоченъ въ 1655 г. пріобрѣтеніемъ этого дорогого врачебнаго вещества. Въ этомъ году иноземецъ Петръ Марселисъ принесъ въ Аптекарскій приказъ три такихъ рога, предлагая купить ихъ у него за огромную по курсу того времени сумму въ 10 тысячъ рублей. Доктору Артману Граману велѣно было дать свое заключеніе по поводу этого предложенія — и вотъ крайне любопытный отзывъ, представленный этимъ медикомъ *): „Рога эти,—по всѣмъ признакамъ, какъ въ философии пишутъ,—настоящіе инроговы, и два изъ нихъ такой величины, какой я никогда не видывалъ ни въ Цесарской, ни въ Турской землѣ. Несомнѣнно,—продолжаетъ нашъ медикъ,—что эти рога вывезены изъ Кронлянской земли, гдѣ ихъ находять дикие люди. Лечебное дѣйствіе этихъ роговъ таково: они пригодны отъ лихорадки и огневой болѣзни (горячка), и отъ морового повѣтря, или кого укусить змѣя, и отъ черной немощи; а принимать тѣ рога нужно по 12 зеренъ, вмѣстѣ съ камнемъ безуемъ, въ тепломъ ренскомъ винѣ, или въ романѣ, или въ кинареѣ, а послѣ того слѣдуетъ пропотѣть“. Граманъ дѣлаетъ, въ концѣ концовъ, заключеніе, что за два большихъ рога можно дать продавцу 5 тыс. рублей, а за малый—можно предложить и меныше тысячи. Аптекарскій приказъ постановилъ: попытаться выторговать всѣ три рога за 5300 р., но въ случаѣ, если продавецъ уступить не захочеть, дать ему требуемую имъ сумму, уплативъ ее, согласно желанію продавца, соболями и другою мягкою рухлядью (**).

Почти одновременно съ только что описаннымъ торгомъ поступило въ Аптекарскій приказъ и другое предложеніе относительно покупки „инроговой кости“. Это предложеніе шло

*) Считаемъ необходимымъ оговориться, что этотъ докторъ А. Граманъ—былъ врачемъ вполнѣ образованнымъ. Получивъ свое медицинское образование въ Іевѣ, Лейпцигѣ и Виттенбергѣ, онъ состоялъ въ 1633—1636 г.г. врачемъ при Голштинскомъ посольствѣ и былъ рекомендованъ въ русскую службу извѣстнымъ членомъ этого посольства, Ад. Олеарiemъ.

со стороны доктора Йоганна Белау, бывшаго профессора Дерптскаго университета, а затѣмъ лейбъ-медика царей Михаила Феодоровича и Алексія Михайловича, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ возвратившагося на родину, въ Германію. Белау пишетъ отсюда въ Москву письмо, предлагая купить у него „инрога“, который можетъ, де, послужить не только лѣчебнымъ средствомъ, но и украшеніемъ царскаго трона, и за который онъ требуетъ всего 8 тыс. рублей. „Есть у меня, — пишетъ докторъ Белау,— и маленький кусочекъ инрога, вѣсомъ около $\frac{1}{4}$ унца: этотъ кусочекъ служитъ вѣрнымъ средствомъ отъ чумы, оспы, кроваваго поноса“; онъ Белау, лично убѣдился въ чудодѣйственныхъ свойствахъ этого вещества, такъ какъ исцѣлился отъ горячки, принявъ 12 грановъ его въ двухъ столовыхъ ложкахъ рейнвейна и затѣмъ пропотѣвъ хорошенько. За этотъ кусочекъ продавецъ просилъ всего полъ-сорока соболей. При этомъ предложеніи Белау доставилъ удостовѣреніе въ цѣлебныхъ качествахъ своего „инрога“, написанное на латинскомъ языкѣ и подписанное семью гамбургскими докторами.

Кромѣ своихъ дорогихъ „инроговъ“, докторъ Белау предлагаетъ Аптекарскому приказу и цѣлую коллекцію чудодѣйственныхъ камней. Особенно выхваляетъ онъ какой то камень въ серебрянной оправѣ, пригодный для исцѣленія отъ задержанія мочи и отъ камней „въ почкахъ“: для того, чтобы получить исцѣленіе, стоитъ только подержать этотъ чудесный камень около почекъ. Имѣются у нашего профессора еще бѣтихъ же чудодѣйственныхъ драгоцѣнныхъ камней, называемыхъ имъ „офитами“. Эти камни весьма полезны отъ глазной боли: стоитъ только положить такой камень въ теплую воду и затѣмъ обмыть этою водою глаза, или приложить его къ затылку; въ періодъ беременности камень этотъ, подвѣшанный на шеѣ, укрѣпляетъ мать и ребенка; при родахъ камень этотъ приноситъ большое облегченіе, если родильница будетъ держать его въ правой рукѣ. Дѣйствіе камней варьируется по полу пациентовъ: для мужчинъ болѣе пригодны „офиты“ темнаго цвѣта, для женщинъ—зеленаго или пестроватаго оттѣн-

ка (43). Неизвестно, какой результатъ имѣло это предложеніе, во всякомъ случаѣ немногого странное для профессора—врача, хотя бы даже XVII столѣтія; кажется, впрочемъ, что Аптекарскій приказъ не убѣдился краснорѣчивыми доводами доктора Белау.

Значительное количество лѣчебныхъ веществъ,—главнымъ образомъ травъ,— добывалось для Аптекарского приказа и внутри Россіи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ чисто народною фармакогнозіею, такъ какъ лѣкарственные вещества собираются въ данномъ случаѣ русскими людьми, не имѣющими никакой теоретической подготовки, но у которыхъ познаніе лѣчебныхъ свойствъ тѣхъ или другихъ травъ является традиціею, унаслѣдованною отъ отцовъ и дѣдовъ. Очевидно, что многія изъ этихъ познаній представлялись вполнѣ цѣлесообразными съ точки зренія науки фармакологіи, такъ какъ учёные врачи и фармацевты Аптекарского приказа находили возможность утилизировать эти начала русской народной медицины. Въ видахъ этого, при Аптекарскомъ приказѣ состояли особыя лица, носившія название „травниковъ“; эти травники посылались для сбора лѣкарственныхъ травъ и кореньевъ. Въ 1645 году велѣно прислать изъ Приказа Большого Дворца въ Аптекарскій приказъ „трехъ человѣкъ помясовъ (?) добрыхъ,— посыпать ихъ на поле для травъ и кореньевъ“, на смѣну тремъ прежнимъ „травникамъ“,—Федѣки Устинова, Митьки Елисѣева и юомки Тимоѳеева,— такъ какъ эти послѣдніе плохо исполняли свои обязанности: „государеву дѣлу не радѣли, пили и гуляли, травъ и кореньевъ привозили по малу“ (44). Травники эти получали небольшое жалованье: въ росписи 1692 года оно показано всего въ размѣрѣ не свыше 8-ми рублей каждому.

Поступали лѣкарственные вещества въ Аптекарскій приказъ и изъ областей; особенно много поставляла ихъ въ Москву — Сибирь. Многіе воеводскіе наказы заключаютъ въ себѣ предписанія воеводамъ заботиться розысканіемъ и сборомъ лѣкарственныхъ травъ и кореньевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стяхъ доставка ихъ возлагалась на населеніе въ качествѣ на-
туральной повинности. Въ 1675 году посылается изъ Москвы
въ Верхотурье, мѣстному воеводѣ, предписаніе, чтобы въ се-
лахъ и деревняхъ Верхотурскаго уѣзда велѣно было „знаю-
щимъ людямъ сыскывать для лѣкарственныхъ составовъ и во-
докъ травъ и иныхъ вещей“; эти снадобья должны быть за-
тѣмъ запечатаны и снабжены этикетами, съ обозначеніемъ—
„что къ какому лѣкарству годно“, и въ этомъ видѣ быть до-
ставленными въ Москву (⁴⁵). Еще раньше, въ 1669 году, та-
кое же предписаніе дано было Якутскому воеводѣ; ему пору-
чается „въ Якутскѣ всякихъ людей спрашивать, — кто знаетъ
лѣкарственныхъ водочныхъ травъ, которая бы пригодились
къ болѣзнямъ въ лѣкарства человѣкамъ“. Такой доморощен-
ный фармакогностъ выискался въ лицѣ мѣстного служилаго
человѣка Сеньки Епишева; онъ былъ снабженъ отъ воеводы
особою наказною памяткою, съ которой и отправился въ свою
ботаническую экспедицію, продолжавшуюся цѣлыхъ два года.
Въ первый годъ Епишеву не удалось собрать травъ, потому
что „въ тѣ поры лѣкарственные травы не родились, — пи-
шетъ онъ въ своемъ донесеніи; — около Якутска травы тѣ
родятся не по вся годы: много лѣкарственныхъ травъ и, при-
томъ, такихъ, какихъ нѣть близъ Якутска, родятся по рѣкѣ
Ленѣ и у моря, — но это далеко отъ Якутска“. Тѣмъ не менѣе, во второй годъ Епишеву удалось собрать небольшое ко-
личество лѣкарственныхъ травъ, которая онъ и представилъ
воеводѣ съ описаніемъ лѣчебныхъ свойствъ ихъ. Приведемъ,
для образца, нѣкоторая изъ этихъ описаній:

„Трава, имя ей — *Колунъ*, цвѣтъ на ней бѣлъ, горько-
вата, растетъ при водахъ. А годна эта трава: будетъ у му-
жескаго пола или у женскаго нутряная застойная болѣзнь,
переломъ, моча неидетъ или бываетъ томленіе женскому полу
не въ мѣру младенцомъ; и тое траву давать въ окуневой въ
теплой ухѣ или иномъ въ чёмъ, и сухую давать їсти“.

„Орѣшки, имя имъ *грушница землянича*; а годны, будетъ
сердце болитъ отъ какой отъ порчи, или и собою болитъ,

или тоскуеть; и тѣ орѣшкы ёсть сырые или топить въ горячемъ винѣ или въ добромъ уксусѣ“.

„Корень, имя ему *маринъ*, и годенъ будетъ онъ на комъ трасовица; и тотъ корень навязывать на воротъ и держать часть, измявъ, для обонянія у носу“.... „Корень *деветильникъ бѣлый*, ростетъ въ лугахъ; годенъ, будетъ у кого зубная боль и пухнутъ десны, и того корня малую часть на зубахъ держать“.... „Трава *рябинка*, а годна, будетъ у человѣка въ гортани жабная болѣзнь, и тое траву парить въ горячемъ винѣ или ренскомъ уксусѣ и тою травою теплою парить около гортани, а вино или уксусъ держать во ртѣ теплые“... „Трава *зверинъ языкъ*, а годна, будетъ въ какомъ человѣкѣ мокротная болѣзнь внутри“ и т. д. и т. д. (¹⁶).

Вотъ наглядные образцы той народной медицины, которую обходилось населеніе областей, не имѣвшее возможности пользоваться услугами московскихъ аптекъ и врачей.

Откуда же почерпались народомъ всѣ эти лѣчебныя свѣдѣнія? Существовали на Руси особыя рукописныя руководства для познанія лѣкарственныхъ травъ, весьма распространенные у нашихъ предковъ и во многихъ спискахъ сохранившіяся до нашихъ дней. Это — такъ называемые *травники* или *описи травамъ*; многіе изъ нихъ иллюстрировались рисунками травъ. Въ общемъ, описанія травъ въ подобного рода руководствахъ совершенно напоминаютъ цитированныя выше описанія, сдѣланныя Епишевымъ собраннымъ имъ злакамъ. Впрочемъ, въ этихъ „травникахъ“, на-ряду съ описаніями дѣйствія тѣхъ или другихъ травъ на организмъ, попадаются и сообщенія о травахъ совершенно суевѣрного характера, напримѣръ: „*Царь-трава*: ростетъ на сильныхъ мѣстахъ (следуетъ ея описаніе); а пригодна ко многимъ вещамъ: или кто съ ума сойдетъ, или глухъ издавна — пить; а если хочешь на худой лошади ѻхать — то поѣзжай: не устанетъ. Безъ нея никакой волхвъ не можетъ быть“. Или: „Трава *марунъ*, она же и *мордовинникъ*, и *татарникъ* (следуетъ описание); пригодно держать во дворахъ, въ храминахъ и на этой травѣ

строить дома: нечистый духъ бѣгаеть далеко и не прикоснется, и отъ укушенія бѣшеннай собаки давать въ хлѣбъ“.

Существовало у нашихъ предковъ и настоящее врачебное руководство,—это *Лѣчебная книга*, переведенная въ 1580-мъ году съ польского языка, въ которой трактовалось о лѣкарственныхъ травахъ, о дистиллированіи и тинктурахъ („о лейкахъ и вод-кахъ“), о рѣчныхъ и морскихъ рыбахъ, о драгоценныхъ камняхъ, о философскомъ знаніи, о кровопусканіи, объ аптекарскомъ и фельдшерскомъ („барберномъ“) искусствѣ. Но и въ этомъ руководствѣ, среди свѣдѣній дѣйствительно полезныхъ, попадались замѣчанія въ родѣ того, что „гранатъ камень — сердце веселитъ“, яхонтъ предохраняетъ отъ страшныхъ сновидѣній и т. п. (47).

Принимались Аптекарскимъ приказомъ мѣры и къ аклиматизаціи лѣкарственныхъ злаковъ въ самой Москвѣ. Съ этою цѣлью въ вѣданіи этого приказа находились особые *аптечные огороды*, находившіеся подъ управлениемъ иноземцевъ—ботаниковъ („огородниковъ“), съ извѣстнымъ количествомъ подчиненныхъ имъ русскихъ работниковъ.

Во второй половинѣ XVII-го вѣка такихъ огородовъ было три: первый и главный — на Москвѣ рѣкѣ, подъ кремлевскою стѣною, второй — у Мясницкихъ воротъ, третій — въ Нѣмецкой слободѣ *). На главномъ аптекарскомъ огородѣ была устроена особая „поварня“ (коокторія), въ которой дистилляторы вѣдали „всякое водочное и спиртовое сидѣніе“, а равно „всякія травы, цветы, кореня и семена“. До настѣ дошелъ весьма интересный наказъ одному изъ такихъ „диптилататоровъ“ — Петру Фабриціусу. Ему предписывается быть на аптекарскомъ огородѣ „у всякихъ водочныхъ сидѣній и у варенья всякихъ сыроповъ, пластырей и мазей и прочихъ лѣкарствъ, которые въ запасъ дѣлаются“. Онъ обязанъ заботиться, чтобы всѣ лѣкарства изготавливались изъ веществъ свѣ-

*) Въ числѣ разводившихся здѣсь злаковъ мы встрѣчаемъ *semen nicotinae*, т. е. табакъ.

жихъ и доброкачественныхъ, „въ которыхъ сила и мочь была бы совершенна къ предписанному въ дохтурскихъ рецептахъ дѣйствію“. Строго вмѣняется дистиллятору въ обязанность наблюдать, чтобы въ составляемыя имъ лѣкарства не попадало ничего „вредительного и смерти наводящаго“, а также „сквернаго“; не менѣе долженъ онъ смотрѣть и за тѣмъ, чтобы въ постные дни въ лѣкарства не примѣшивалось никакихъ скромныхъ веществъ,— дабы тѣмъ „никакого виѣшняго, ни внутренняго зла, ни смерти не навестъ, и не осквернить, и не оскоромить“... (49).

IV.

Иностранные врачи русской службы въ XVII-мъ вѣкѣ. — Приглашеніе и вступленіе ихъ въ службу. — Положеніе врачей въ Россіи. — Ихъ жалованье, награды и льготы. — Врачебные экзамены XVII-го вѣка. — Увольненіе врачей отъ русской службы.

Такова была материальная почва, на которой должны были дѣйствовать своими знаніями иноземные врачи московской службы.

Перейдемъ *къ вопросу объ этихъ врачахъ*, длинный рядъ которыхъ, начавшись со второй половины XVI-го вѣка, непрерывно тянется и черезъ весь XVII-й вѣкъ.

Мы видѣли, что уже во второй половинѣ XVI-го и въ началѣ XVII-го вѣковъ появляются у насъ научно-образованные врачи. Дѣятельныя мѣры къ привлечению на свою службу такихъ врачей принимаютъ и первые государи изъ династіи Романовыхъ. Въ царствованіе Михаила Феодоровича было принято на службу 8 докторовъ, 5 лѣкарей и 4 аптекаря; въ царствованіе Алексея Михайловича — 11 докторовъ, 3 лѣкаря, 6 аптекарей и 1 глазной врачъ; въ царствованіе Феодора Алексѣевича — 4 доктора, 9 лѣкарей и 4 аптекаря; при

Петръ Алексѣевичъ (1682—1699 г.г.) — 11 докторовъ, 87 лѣкарей *), 1 глазной врачъ и 9 аптекарей.

Было бы большимъ заблужденiemъ думать, что этотъ довольно обширный, по условіямъ того времени, врачебный персоналъ — былъ отбросомъ современной западно-европейской медицины. Напротивъ, въ числѣ врачей русской службы мы встрѣчаемъ ученѣйшихъ людей, получившихъ свои докторскіе дипломы въ лучшихъ университетахъ того времени.

Укажу для примѣра на нѣкоторыхъ изъ такихъ докторовъ.

Начну съ Артемія Дія, лейбъ-медика короля англійскаго Іакова и сына извѣстнаго англійскаго профессора-математика, учившагося медицинѣ въ Вестминстерѣ и Оксфордѣ и въ 1621-мъ г. явившагося на русскую службу съ королевскою рекомендацією; въ Москвѣ Дій написалъ ученый трактатъ, который былъ впослѣдствіе напечатанъ въ Парижѣ. Преемникомъ Дія въ званіи царскаго лейбъ-медика явился Венделинъ Сибелистъ, докторъ Галльскаго университета, рекомендованный герцогомъ Голштинскимъ и пользовавшійся особымъ довѣріемъ царя Михаила. Въ 1639 году вступасть въ русскую службу докторъ Артманъ Граманъ, изучавшій медицину въ Іенѣ, Лейпцигѣ и Виттенбергѣ и рекомендованный царю Михаилу извѣстнымъ Олеаріемъ. Въ 1643 году появляется на службѣ Михаила Феодоровича докторъ Иоаннъ Белау (Бѣловъ или Бѣлоусовъ, какъ переименовали его русскіе люди), бывшій профессоръ Дерптскаго университета.

При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ выдавался докторъ Андрей Энгельгардтъ, воспитанникъ Лейденскаго и Кенигсбергскаго университетовъ, явившійся съ рекомендательнымъ письмомъ отъ ратгеровъ саксонскаго города Ашерслебена, гдѣ онъ занималъ должность городового врача, и съ атtestатомъ, подписаннымъ всѣми врачами города Любека, гдѣ онъ

*) Это значительное число лѣкарей объясняется стремленіемъ Петра I положить начало болѣе или менѣе правильно организованному военно-полевому врачебному дѣлу. Съ этой цѣлью было выписано изъ-за границы: въ 1695 г. — 25, а въ 1697 г. — 50 лѣкарей.

рекомендовался какъ „славнѣйшій, честнѣйшій и изряднѣйшій врачъ“.

Затѣмъ извѣстный Самуилъ *Коллинсъ*, учившійся въ Кембриджскомъ и Оксфордскомъ университетѣ; далѣе, Иоаннъ *Розенбургъ*, докторъ Кенигсбергскаго университета и лейбъ-медикъ шведскаго короля, явившійся въ Россію уже съ репутациею ученаго врача и автора нѣсколькихъ печатныхъ медицинскихъ трудовъ, доставившихъ ему почтенное имя въ современной наукѣ; наконецъ Лаврентій *Блюментростъ*, явившійся въ Москву также уже со славою извѣстнаго врача и съ блестящими рекомендациями.

Въ 1689 году приглашается въ Москву докторъ Григорій *Карбонарій*, рекомендованный императоромъ Леопольдомъ; въ 1690 г. докторъ Падуанскаго университета Яковъ *Пеларино*, оставившій печатный трактатъ объ осно прививаніи и др. (¹⁹).

Аптекарскій приказъ относился съ величайшею осторожностью къ выбору врачей на русскую службу. Онъ былъ крайне разборчивъ по отношенію къ нимъ и требовалъ отъ претендентовъ на службу хорошихъ рекомендаций и аттестатовъ; мы только что видѣли, что иноземные врачи, приглашаемые въ русскую службу, всегда являлись въ Москву съ рекомендательными письмами отъ городовъ, коллегій врачей и даже коронованныхъ особъ.

Но бывали случаи, въ которыхъ иноземные врачи являлись къ намъ съ предложеніями своихъ услугъ на свой собственный страхъ, безъ всякаго предварительного приглашенія и не заручившись солидными рекомендациами; такихъ врачей обыкновенно высыпали обратно на родину. Такъ, напримѣръ, въ 1624 году прибылъ въ Архангельскъ голландскій врачъ *Даміусъ*, въ надеждѣ пристроиться на русской службѣ; въ виду того, что этотъ аспирантъ не имѣлъ хорошихъ аттестатовъ, онъ не былъ пропущенъ въ Москву и выпривожденъ на родину, несмотря на ходатайство за него передъ царемъ принца Оранскаго. Точно также и черезъ тотъ же Архангельскій портъ прибылъ въ Россію въ 1627 году, опять таки изъ

Голландії, докторъ Андрей Кауфманнъ; этотъ врачъ, очевидно, такъ сильно надѣялся быть принятымъ въ царскую службу, что захватилъ съ собою жену и какого то аптекаря Георга Кривея. Не смотря на письменное удостовѣреніе, представленное Кауфманномъ въ томъ, что онъ удачно практиковалъ въ Амстердамѣ — и ему, и его аптекарю велѣло оставить Московское государство, такъ какъ докторъ Кауфманнъ и аптекарь Кривей „люди невѣдомые, и свидѣтельствованныхъ у нихъ грамотъ и объ нихъ ни отколѣ Царскому Величеству никакого письма нѣтъ“. „А когда,—читаемъ въ указѣ объ ихъ высылкѣ,—нашему Царскому Величеству доктора или аптекаря понадобятся, и мы велимы о томъ писать въ нѣмецкія государства, королямъ и владѣтелямъ, и они намъ присылаютъ докторовъ и аптекарей свидѣтельствованныхъ, вѣдомыхъ“ (°°).

Во всякомъ случаѣ, если вновь прибывшій въ Москву врачъ (преимущественно—лѣкарь) или аптекарь не въ состояніи былъ представить безусловно гарантирующихъ аттестатовъ — такого неукоснительно подвергали распросу обѣ его прошломъ, мѣстѣ медицинскаго образованія, предшествовавшей практикѣ; въ другихъ случаяхъ наводили о немъ, подъ рукою, справки у находящихся въ Москвѣ соотечественниковъ его, а иногда даже подвергали *формальному экзамену* черезъ докторовъ Аптекарского приказа. Такъ, въ 1631 году въ Аптекарскомъ приказѣ произведенъ былъ экзаменъ французскому аптекарю Филиппу *Броту*, въ знаніи имъ аптекарского и лѣкарского искусства. Экзаменъ производилъ докторъ Дій—и вотъ какъ описывается онъ въ источникахъ: „И докторъ Артемій Дій нововыѣзжаго аптекаря Филиппа про всяkie аптекарскіе чины и про лѣкарское ученіе донарашивалъ, и онъ Филиппъ тому доктору отвѣтъ даваль“. Подъ протоколомъ экзамена подписана слѣдующая резолюція доктора Дія: „Больше этого у тебя не спрашиваю: отвѣчаль ты обо всемъ такъ, какъ я и самъ все это знаю; дай тебѣ Богъ, чтобы отъ твоего лѣченія люди выздоравливали и тебѣ бы отъ Государя честь получить“. Черезъ 13 лѣтъ освободилась вакансія ле-

варя и Брютъ сталъ на пеे проситьсѧ. Въ Аптекарскомъ приказѣ возникло сомнѣніе: какъ, де, дать лекарскую должностъ аптекарю? Сталы Брюта допрашивать: „Давно ли отворяетъ онъ жилы и на какомъ основаніи отворяетъ? То дѣло лѣкарское, а не аптекарское“... Навели справку въ дѣлахъ; оказалось, что Брютъ въ свое время держалъ у доктора Дія экзаменъ не только на аптекаря, но и на лѣкаря, вслѣдствіе чего ходатайство его и было уважено (⁶¹). Въ 1686-мъ г., въ Аптекарскомъ приказѣ, доктора Ванъ-Деръ-Гульстъ и Блюментростъ экзаменуютъ вновь прибывшаго аптекаря *Госсеніуса*; въ 1684-мъ г. здѣсь же экзаменовался вызванный въ Россію глазной врачъ Богданъ *Вагнеръ*, причемъ экзаменующійся показалъ на дѣлѣ опыты своего искусства въ пользованіи больныхъ (глазныя операці?) и, для вящаго убѣжденія экзаменаторовъ въ своихъ познаніяхъ—добровольно принялъ 24 грana мышьяку! Не безъинтересенъ также экзаменъ, произведенный докторомъ Блюментростомъ вновь прибывшему въ Москву врачу Іоганну *Боку*. Оказалось, что этотъ Бокъ,—происходеніемъ шотландецъ,—не имѣетъ понятія ни о латинскомъ, ни о нѣмецкомъ языкахъ. Тѣмъ не менѣе, Бокъ самоувѣренно заявилъ, что „онъ свои научные познанія докажетъ не теоретическими свѣдѣніями, но врачебною практикою“. Начался экзаменъ, производившійся черезъ переводчика; по окончаніи экзамена Блюментростъ объявилъ, что, „по его мнѣнію, Іоганъ Бокъ—не докторъ медицины, но врачъ-эмпирікъ (empricus), такъ какъ всякий научно образованный врачъ долженъ знать латинскій языкъ“. Тѣмъ не менѣе, Бокъ былъ допущенъ къ пробной практикѣ надъ „бѣдными“ и, въ концѣ концовъ, былъ зачисленъ въ царскую службу (⁶²).

Любопытно, что въ XVII-мъ вѣкѣ встрѣчаемъ мы прімыры возведенія врачей въ степень доктора медицины царскими указами. Вотъ характерный случай подобного рода. Въ 1659-мъ году принять былъ въ московскую службупольскій еврей *Гаденъ*—на весьма скромную должностъ *цирульника* (фельдшера). Этому „эмпиріку“ крайне повезло въ Россіи:

вскорѣ бытъ онъ повышенъ въ званіе *лькаря*, а затѣмъ въ 1667 году въ довольно таки оригинальное званіе *подъ-доктора*; наконецъ, въ 1672-мъ г. онъ бытъ возведенъ царскимъ указомъ въ степень *доктора медицины*, на каковую ученую степень выдана бытъ ему особая грамота, въ которой заявлялось, что Гаденъ „совершенно знающимъ себя объявилъ и за свою службу пожалованъ докторскимъ именемъ“; въ этой же грамотѣ свидѣтельствуется, что новый докторъ „въ докторскомъ и во всякомъ лѣкарственномъ учениѣ достаточно навыченъ, и докторской чести достоенъ, и во всемъ человѣкъ потребный“. Другой примѣръ относится къ 1684-му году: въ этомъ году, опять таки царскимъ указомъ, возведенъ въ доктора медицины *лькарь Сигизмундъ Зоммеръ* (⁵³).

Такимъ образомъ, инспектируя все русское врачебное дѣло, Аптекарскій приказъ во второй половинѣ XVII-го вѣка распространяетъ свою компетентность даже до раздачи медицинскихъ ученыхъ степеней. Очень вѣроятно, впрочемъ, что это возведеніе въ ученые степени было сопряжено съ испытаніями, производившимися аспирантамъ докторами этого приказа.

Иноземные авторы свидѣтельствуютъ намъ, что положеніе иностранныхъ врачей въ Россіи было въ XVII-мъ вѣкѣ весьма хорошимъ; что врачи эти, въ большинствѣ случаевъ, пользовались здѣсь полнымъ довѣріемъ и почтеніемъ (⁵⁴). Это вполнѣ подтверждается и тою готовностью, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже граничащею съ навязчивостью, съ которой шли они въ московскую царскую службу, жертвуя ей подъ-чать прекраснымъ общественнымъ положеніемъ на своей родинѣ.

Что касается денежныхъ окладовъ, которые назначались имъ въ жалованье, то они могутъ быть названы блестящими. Такъ, напримѣръ, Венделинъ Сибелистъ, известный врачъ царя Михаила Феодоровича, получалъ 250 рублей годового

жалованья, да 50 рублей въ мѣсяцъ столовыхъ („кормовыхъ“) денегъ, т. е. всего 850 рублей въ годъ. Если имѣть въ виду, что (по Лешкову) рубль XVII-го вѣка былъ почти въ шесть разъ цѣннѣе современаго намъ рубля, то окажется, что окладъ доктора Сибелиста простидался, по курсу современаго намъ рубля, свыше 5 тыс. рублей. Другой врачъ царя Михаила, докторъ Валентинъ Бильсь, получалъ 200 руб. годового и 55 руб. мѣсячнаго столоваго оклада, т. е. 860 руб. въ годъ (около 5160 руб. на наши деньги); третій врачъ того же царя, Романъ Пау, пользовался годовымъ окладомъ въ 220 руб. и мѣсячнымъ столовымъ окладомъ въ 60 руб., т. е. получалъ въ годъ 940 руб. (около 5640 руб. по курсу нашихъ дней) и т. п. Оклады эти были нѣсколько понижены къ концу XVII-го вѣка, когда усилилось предложеніе врачебнаго труда, все таки оставаясь, тѣмъ не менѣе, вполнѣ солидными. Такъ, по росписи 1692-го года опредѣлены годичные оклады (съ столовыми деньгами) докторамъ: Блюментросту—730 руб., Ванъ-деръ-Гульсту—680 руб.; наименѣшій докторскій окладъ былъ въ этомъ году въ 300 рублей въ годъ.

Меньшие оклады жалованья назначались лѣкарямъ. Такъ, по той же росписи 1692 года, годовые оклады лѣкарей показаны въ 140—360 рублей, но были лѣкаря, которые получали всего 80—120 рублей. Аптекарямъ полагалось 180—360 рублей, аптекарскимъ помощникамъ 100—112 руб. въ годъ; подлѣкарямъ, russkимъ лѣкарямъ, рудометамъ (кровопускателямъ) и цирульникамъ 28—30 рублей; аптекарскимъ ученикамъ (russkie)—36 рублей; меньше всего получали „травники“—не болѣе 8 руб. въ годъ (°°).

Размѣръ жалованья медицинскому персоналу Аптекарского приказа,—за исключеніемъ, быть можетъ, низшихъ чиновъ его,—опредѣлялся свободнымъ соглашеніемъ, которое имѣло мѣсто передъ принятіемъ лица въ службу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ (начало второй половины XVII-го в.), заявляя, что на службѣ Аптекарского приказа „будетъ докторовъ и лѣкарей съ 30 человѣкъ, и жалованье

идеть имъ, годовое и мѣсячное, погодно, по сговору“; равнымъ образомъ и лѣкарь Елизаръ Ролантъ въ своей чelобитной, поданной въ 1650 г. въ Аптекарскій приказъ, говорить, что жалованье было ему назначено „по уговору въ Англинской землѣ“ (°).

Но, помимо жалованья, медицинскому персоналу Аптекарского приказа предоставлялось и много другихъ выгодъ и льготъ. Передъ самымъ вѣздомъ въ предѣлы Россіи вновь приглашенного медицинского чина, ему всегда давалась такъ называемая *опасная грамота*, въ силу которой гарантировался свободный путь къ Москвѣ, а равно безпрепятственное возвращеніе впослѣдствіе, въ случаѣ желанія, обратно на родину. Иногда давались при этомъ проводники и путевые деньги на проѣздъ отъ границы до Москвы, а также бесплатныя подводы для перевоза имущества. Такъ, доктору Блюментросту, прибывшему въ 1668 году въ Псковъ съ сыномъ, двумя дочерьми, двумя „дѣвками“ (служительницами) и еще 11-ю спутниками „мужескаго пола“—было дано 25 подводъ для проѣзда въ Москву. Кромѣ того, выданъ былъ всѣмъ имъ еще поденный кормъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: самому доктору—хлѣбъ въ 2 деньги, калачъ въ 2 деньги, баранье плечо, „частка“ говядины, 4 чарки „вина доброго“, да по 2 кружки пива и меду; дѣтамъ его—денегами, по 4 алтына 8 денегъ на каждого; докторскимъ людямъ—по хлѣбу въ 2 деньги, по калачу въ 1 деньги, да на всѣхъ, вообще, двѣ части говядины и полтуши баранины, по двѣ чарки вина простого, да по два ведра въ день, на всѣхъ, пива. Кромѣ того, выдано поденныхъ путевыхъ денегъ: доктору—по 6 алтынъ 4 деньги въ день, дѣтамъ его—по 8 денегъ, людямъ—по 6 денегъ въ день каждому. Выдача эта была назначена по расчету 12-ти дней пути отъ Пскова до Москвы (°).

По прибытии въ Москву, вновь принятый въ службу врачъ являлся въ Посольскомъ приказѣ,—гдѣ вѣдались всѣ иностранцы, вообще,—а затѣмъ и въ Аптекарскомъ приказѣ, въ вѣдомствѣ котораго предстояло ему нести свою службу.

По выполнении этихъ первыхъ формальностей и по принесеніи присяги, — которая была обязательна для всѣхъ врачебныхъ чиновъ Аптекарскаго приказа,—доктора представлялись, обыкновенно, царю, послѣ чего присыпались имъ отъ Двора подарки, носившіе техническое наименованіе „подарковъ на пріѣздѣ“. Такъ, напримѣръ, доктору Сибелисту пожалованы „на пріѣздѣ“ слѣдующіе подарки: самому ему—бархатъ „черный гладкой“, бархатъ „рытой“, атласъ „гладкой“, два камка, два сукна, 40 соболей въ сорокъ рублей, да 40 рублей деньгами; докторской женѣ—камковая матерія, тафта, сукно и 40 соболей въ 25 рублей; докторскимъ людямъ, старшимъ—по англійскому сукну и по 8-ми рублей деньгами, младшимъ—по сукну англійскому; горничной и кухаркѣ—также по англійскому сукну. Кромѣ подарковъ вещами и деньгами, посыпалось отъ Дворца вновь пріѣзжавшимъ врачамъ и жалованье съѣстными припасами и питьями; такъ, тому же доктору Сибелисту пожаловано „на пріѣздѣ“: 3 калача, 1 четверть стяга говядины, 1 гусь, 2 утки, 1 заяцъ, 2 тетерева, 1 баранъ „съ шерстью“, 5 куръ, 6 полуфунтовъ („гривенокъ“) масла коровья, 8 яицъ, 1 кружка вина боярскаго, по 2 кружки романеи и рейнскаго вина, по 2 кружки медовъ вишневаго, ма-линоваго, обарнаго, паточнаго, 1 ведро меду цеженаго, 4 ведра меду княжаго, 1 ведро пива „поддѣльнаго“ и 2 ведра пива простого „добраго“ (⁵⁸).

Въ видѣ особой милости врачамъ жаловались даже помѣсты; такъ, извѣстный докторъ царя Михаила Феодоровича, Артемій Дій, былъ пожалованъ помѣстьемъ близь Москвы, которое было предоставлено ему на нѣсколько лѣтъ и въ которомъ онъ велъ сельское хозяйство. Владѣли иноземные врачи недвижимою собственностью и въ самой Москвѣ. Такъ, у того же доктора имѣлся въ столицѣ, близь Ильинскихъ воротъ, большой каменный домъ; въ 1644-мъ году бьетъ государю челомъ о пожалованіи ему денегъ „на дворовое строеніе“ докторъ I. Белау, ссылаясь на то, что другимъ выѣзжимъ докторамъ были выдаваемы деньги на этотъ предметъ (⁵⁹).

Выпадали на долю иноземныхъ врачей и другіе, уже случайные, доходы. Такъ, напримѣръ, они получали крупные подарки въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ, во время лѣченія царя или особъ царскаго семейства, доводилось производить тѣ или другія, серьезныя по понятіямъ того времени и по личности пациента, врачебныя манипуляціи, напримѣръ — кропопусканія. Въ 1641-мъ году, когда докторъ Сибелистъ открывалъ кровь царю Михаилу Феодоровичу, этому врачу были пожалованы: серебряный кубокъ, 10 аршинъ кизилбашскаго бархата, 10 аршинъ камки и 40 соболей; соразмѣрные подарки сдѣланы были лѣкарю, аптекарю и переводчику, ассистировавшимъ при этой операциі (⁶⁰). Имѣли царскіе врачи доходы и отъ частной практики, которая однако же дозволялась имъ,—какъ мы это увидимъ ниже,—лишь по царскому на каждый данный случай указу, т. е. съ разрѣшенія Аптекарскаго приказа. Впрочемъ, по свидѣтельству Олеарія, врачи отъ своихъ пациентовъ рѣдко получали гонораръ наличными деньгами; чаще уплачивался онъ имъ натурою: соболями, свиными окороками, виномъ и другими припасами (⁶¹).

Если, съ одной стороны, московское правительство щедро вознаграждало службу своихъ врачей, то за то, съ другой стороны, не стѣснялось увольненіемъ ихъ, коль скоро находило къ этому уважительныя причины.

Такъ, въ 30-хъ годахъ XVII-го столѣтія, былъ уволенъ врачъ Квиринъ фонъ-Бремборгъ, вызвавшій эту мѣру цѣлымъ рядомъ безактныхъ поступковъ своихъ. Заклятымъ врагъ ученыхъ докторовъ (Олеарій утверждаетъ, что этотъ самозванный врачъ былъ—простымъ цирурникомъ), Бремборгъ ходайствовалъ о разрѣшеніи совмѣстить въ своей особѣ три должности—доктора, хирурга (лѣкаря) и аптекара, доказывая, что ученая степень доктора медицины—не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ знающій врачъ долженъ сосредоточивать въ себѣ всѣ медицинскія знанія; для приданія своимъ словамъ большаго авторитета, Бремборгъ объявилъ, что ему случалось

излечивать, имъ самимъ изобрѣтными средствами, такія болѣзни, о которыхъ въ ученомъ мірѣ еще не было известно со временемъ Гиппократа. Не скучится нашъ врачъ и на разнаго рода инсинуаціи по адресу докторовъ: заявляетъ, что только простые люди уважаютъ докторское званіе, что надъ нимъ смѣются сами европейскіе профессора, торгующіе раздачею этой ученой степени и т. п. Случилось, наконецъ, въ сущности ничтожное обстоятельство, переполнившее чашу терпѣнія Аптекарскаго приказа: Бремборгъ поставилъ въ самомъ окнѣ своего жилища скелетъ, который производилъ большой соблазнъ въ суевѣрномъ народѣ. Бремборгу предписано было отправиться обратно на родину (⁶²).

Въ 1644-мъ году былъ уволенъ съ царской службы докторъ Валентинъ *Бильсъ*. Причина увольненія его—неизвѣстна, но это увольненіе вызвало горячій протестъ со стороны обреченного на него. Въ отвѣтъ на категорическую царскую резолюцію: „Доктору Валентину Бильсу—въ докторахъ не быть“, —Бильсъ сталъ жаловаться, что его увольняютъ безъ всякой вины, что онъ „докторъ свидѣтельствованный, и грамота ему свидѣтельствованная дана многихъ докторовъ за руками и за печатями голландскаго князя и штатовъ“. Ссыпался Бильсъ и на свою факультетскую присягу, заявляя, что его „въ высокой школѣ къ кресту приводили на томъ, что ему быть въ докторахъ и докторства своего не отбыть до своей смерти, и въ иномъ ни въ какомъ чину не быти“, —тѣмъ не менѣе и этому злополучному „свидѣтельствованному“ доктору довелось уѣхать во свояси, такъ какъ на его члобитыи вторично появилась резолюція: „Государь отказалъ, и въ дохтурѣхъ ему быти не велѣлъ“ (⁶³).

Съ еще большимъ аффrontомъ былъ въ 1648-мъ году уволенъ съ царской службы докторъ Рейнгардъ *Пау*; его отставка была мотивирована тѣмъ, что, хотя онъ и неоднократно посыпаемъ былъ для лѣченія разныхъ именитыхъ лицъ, но ни одного изъ нихъ не въ состояніи былъ вылечить.

Имѣемъ мы примѣръ увольненія изъ службы лѣкаря и за предосудительный образъ жизни. Въ концѣ 40-хъ годовъ XVII столѣтія по такой именно причинѣ исключенъ былъ изъ царской службы англійскій лѣкарь Эдуардъ Ролантъ. Изъ дошедшихъ до нашихъ дней актовъ мы узнаемъ, что этотъ лѣкарь, кроме своей непосредственной профессіи, занимался еще ростовщичествомъ; въ 1646-мъ году онъ обманулы свѣго же брата иноземца, утаивъ цѣнныи закладъ, подъ который далъ ему денегъ, вслѣдствіе чего возникъ въ Аптекарскомъ приказѣ довольно таки кляузный процессъ, подъ вліяніемъ раздраженія отъ которого Ролантъ всячески поносилъ своего противника и даже грозился его убить. Кончилось тѣмъ, что этотъ лѣкарь былъ посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ высланъ на родину, не смотря на свою почти двадцатилѣтнюю службу въ Россіи («⁴).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда врачи увольнялись по собственному желанію, послѣ безпорочной и усердной службы, имъ выдавались при отпускѣ ихъ на родину похвальные аттестаты, всегда сопровождавшіеся и болѣе или менѣе цѣнными подарками; вмѣстѣ съ тѣмъ давались подводы до самой границы. Въ этихъ аттестатахъ, нѣсколькообразцовъ которыхъ сохранилось до нашихъ дней,—одинъ, выданный въ 1683-мъ году доктору Келлерману, даже на латинскомъ языке,—подробно излагались заслуги увольняемаго. Иноземные врачи очень дорожили этими московскими аттестатами. Такъ, лѣкарь Бартельсъ, уволенный въ 1617-мъ году отъ службы безъ аттестата, билъ царю челомъ о выдачѣ ему такого,—чтобы ему „предъ своими братьями одному оскорбленному и въ позорѣ не быть, а безъ полученія сей государевой грамоты ему въ иныхъ земляхъ объявиться безчестно“; ходатайство это было удовлетворено («⁵).

Бывали примѣры, что иноземный врачъ, оставившій русскую службу и уѣхавшій на родину, продолжалъ поддерживать сношенія съ московскимъ правительствомъ, являясь его агентомъ,—напримѣръ въ дѣлѣ закупки лѣкарственныхъ ве-

ществъ, рекомендаций враачебнаго персонала и даже въ области дипломатіи. Такъ, извѣстный враачъ Венделинъ Сибелистъ, возвратившись на родину, поддерживаетъ съ царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ постоянныя сношенія, списываясь съ нимъ по поводу тайныхъ политическихъ дѣлъ, о которыхъ онъ провѣдываетъ заграницею; списывается онъ съ царемъ и по поводу вопроса о проектѣ торговли голландцевъ въ Поволжье (⁶⁶)....

V.

Кого и какъ лѣчили врачи въ XVII вѣкѣ.—Лѣченіе царя и членовъ царскаго семейства.—«Рожа» и «водянка» у царя Михаила Феодоровича.—«Цынга» у царя Феодора Алексѣевича.—Другія порученія, возлагавшіяся на врачей.—Первое извѣстіе о судебнно-медицинскомъ осмотрѣ.—Мѣры къ насажденію враачебнаго знанія въ Россіи и первые русскіе лѣкаря.—Посылка молодыхъ людей заграницу.—Первый русскій европейски—образованный враачъ.—Заключеніе.

Мы видѣли, что Старая московская аптека была первоначально учреждена въ интересахъ царя и царскаго двора. Тоже должно сказать и о иноземныхъ врачахъ московской службы: до самаго конца XVII-го вѣка главное назначение ихъ заключалось въ лѣченіи царя, особъ царскаго семейства и высшихъ чиновъ московской служилой іерархіи.

Кто хотѣлъ пользоваться услугами царскаго врача, тотъ, какъ и для полученія лѣкарствъ изъ царской аптеки, долженъ былъ подавать въ Аптекарскій приказъ челобитную на имя тосудара. Такъ, напримѣръ, въ 1633-мъ году билъ государю челомъ торопчанинъ Федоръ Барановъ, раненый въ руку пулею навылетъ, прося о назначеніи ему для излеченія раны лѣкаря; челобитье удовлетворяется и для лѣченія раненаго назначается Аптекарскимъ приказомъ лѣкарь. Въ 1645-мъ году удовлетворяется челобитье крымскихъ пословъ о назначеніи имъ лѣкаря для излѣченія „ознобленныхъ ногъ“ (⁶⁷). Въ другихъ случаяхъ государи сами посыпали врачей Аптекарскаго приказа для лѣченія служилыхъ людей своихъ. Борисъ Го-

дуновъ командируетъ доктора для пользованія раненаго Мстиславскаго; докторъ Пау, какъ мы видѣли, исключается изъ службы за то, что не излѣчилъ ни одного изъ лицъ, для пользованія которыхъ посылаемъ былъ по царскому указу; въ 1686-мъ году командируется въ Казань лѣкарь для поданія врачебной помощи мѣстному воеводѣ князю Голицыну и т. п. (66).

Что касается лѣченія врачами Аптекарского приказа самого царя и членовъ царскаго семейства,—то слѣдуетъ замѣтить, что оно было обставлено весьма сложными формальностями и носило канцелярскій, протокольный, характеръ. Каждое мнѣніе, выраженное врачемъ, каждое дѣйствіе его—облекались въ форму протокола, за его подписью и за скрѣпой дьяковъ Аптекарского приказа; каждый рецептъ, прописанный врачемъ, переводился на русскій языкъ съ подробнымъ объясненіемъ дѣйствія лѣкарства—и все это неукоснительно шло на заключеніе Аптекарского приказа; пользовавшій царя врачъ обязанъ былъ подавать въ Аптекарскій приказъ подробный письменный діагнозъ недуга и затѣмъ подавать такія же письменныя „сказки“ о дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни.

До нась уцѣлѣло нѣсколько такихъ производствъ о царскомъ лѣченіи.

Такъ, въ 1643 г. царь Михаилъ Феодоровичъ заболѣлъ „рожею“, отъ которой врачивали его три доктора—А. Граманъ, И. Белау и В. Крамеръ. Вотъ сказка, поданная этими врачами о лѣченіи болѣзни:

„Первая статья—мазать виннымъ духомъ съ камфорою, по три раза на день, а послѣ того принять для пота камни безуя, съ 12 перцевыхъ зеренъ, въ особо составленной водкѣ, отъ которой рѣзкая жаркая кровь раздѣлится и не будетъ стоять на мѣстѣ; а послѣ надо будетъ отворить жильную руду, чтобы вывести жаръ изъ головы и дать крови продухъ, а если не дать ей продуха—тогда та тяжкая жаркая кровь будетъ садиться на какомъ нибудь мѣстѣ, гдѣ природа покажеть, и отъ

того бывають пухоты и язвы; а жильную руду отворить, изъскавъ день добрый“.

Сказка эта доложена царю начальникомъ Аптекарскаго приказа Ф. И. Шереметевымъ и воспослѣдовала резолюція: „То лѣкарство, составя, приготовить до вечерняго кушанья часа за два“. Въ тотъ же день лѣкарство было составлено и царемъ принято, что неукоснительно заносится въ дѣло. На слѣдующій день царю открывали кровь. Эта операциѣ произведена была въ банѣ, „и та руда вѣшена,—вѣсомъ стало фунтъ безъ четверти, и тое руду, выкопавъ въ саду ямку, положили въ землю“. Составляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, протоколъ о діѣтѣ, которая рекомендуется царю послѣ кровопусканиѣ: „Добро кушать рыба свѣжая—окуни, щуки, и раки добрѣ здоровы; а рѣдкы и хрѣну не ъсть; а пить ренское вино доброе прямое, и пиво доброе, и квасъ житный, а не пити вина горячаго, ни водки, ни меду, ни романеи“ (°°).

Въ 1645 г. доктора В. Сибелистъ, И. Белау и А. Граманъ лѣчать царя Михаила отъ водянки. Процессъ лѣченія облекается въ ту же форму канцелярско-протокольного производства. Это послѣднее открывается сказкою врачей о томъ, что они „воду смотрѣли, а по водѣ знать, что желудокъ, и печень, и селезенка природные теплоты для слизу, которая въ нихъ копится, беспильны, и отъ тогоже понемногу кровь воденѣеть и холодъ бываетъ; да отъ тогоже цынга и иныхъ мокроты родятся“. Черезъ мѣсяцъ врачи снова „смотрѣли воды, и та вода блѣдна,—знать, что желудокъ, и печень, и селезенка беспильны“; при этомъ они констатируютъ также „меланхолію, сирѣчь кручину“; и „отъ того отъ всего печень и селезенокъ заперты, и вѣтръ и колотье возлѣ реберъ объявливаетъ; и какъ та болѣзнь продлится, и отъ тогоже ноги будуть пухнуть“ (°°). Извѣстно, что царь Михаилъ Феодоровичъ, не смотря на всѣ усилия своихъ докторовъ, уже не всталъ отъ этой болѣзни.

Въ 1676 году болѣль царь Феодоръ Алексѣевичъ,—„скорбѣль ножками“, какъ характеризована его болѣзнь въ

производствѣ Аптекарского приказа. Его лѣчилъ консиліумъ изъ всего наличнаго персонала докторовъ, лѣкарей и аптекарей, которыхъ предварительно допрашивали—„у всѣхъ ли у нихъ межъ себя совѣтъ и любовь и нѣтъ ли межъ ихъ какого несогласія?“ Осмотрѣвъ больного государя, врачи „учали межъ себя совѣтовати“ и диагносцировали у него „болѣзнь не отъ внѣшняго случая и ни отъ какой порчи, но отъ его величества природы, а именно та болѣзнь — цынга, и ту его государскую болѣзнь мочно, за Божьею помощью, вылечить только исподоволь“. Царю были прописаны внутреннія средства, мазь для ногъ, „сухія ванны“, и указана діета; все это облекается, опять таки въ форму дѣловыхъ протоколовъ (⁷¹).

Возлагались на врачей Аптекарского приказа и различныя порученія временнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ посыпались съ воеводами въ походы. Въ 1632 году командаются изъ Москвы два лѣкаря подъ г. Бѣлой, въ полки воеводы кн. С. В. Прозоровскаго, такъ какъ здѣсь „ратныхъ людей лѣчить некому, лѣкарей нѣть, и многіе ратные люди отъ ранъ помираютъ“; въ 1633 году отправляется лѣкарь, снабженный походною аптекою, съ ратью, выступившею къ Перми Великой; въ 1644 году прикомандированывается лѣкарь Ролантъ къ полкамъ, отправленнымъ въ калмыцкій походъ; въ 1645 г. упоминается „полковой лѣкарь“ Вульфъ, бывавшій въ походахъ подъ Тулою и въ калмыцкой степи, а теперь командинуемый въ Соликамскѣ, „къ мѣдному дѣлу, для лѣченія иноземцевъ, руднаго сыску мастеровъ“ (⁷²) и т. п. Имѣются извѣстія, что постоянные полковые лѣкаря уже съ начала XVII вѣка имѣлись при нѣкоторыхъ частяхъ, возникающихъ у насъ въ эту пору, регулярныхъ войскахъ, комплектовавшихся преимущественно изъ иноземцевъ. Были, какъ можно думать, особые полковые лѣкаря и въ наиболѣе крупныхъ военныхъ центрахъ; въ 1687 году упоминается лѣкарь съ ученикомъ, и при немъ лѣкарственный складъ, въ Кіевѣ, при мѣстныхъ ратныхъ людяхъ (⁷³). Но все это—только эмбриологическая попытка организовать у насъ военно-медицинское дѣло; сколько

нибудь сносную и определенную постановку получаетъ у насъ это дѣло не ранѣе эпохи Петровскихъ преобразованій.

Посылались врачи и для производства разнаго рода врачебныхъ осмотровъ. Мы видѣли, что еще въ 1537 г. врачъ Теофиль посылается для освидѣтельствованія князя Андрея Ивановича, уклонявшагося, подъ предлогомъ болѣзни, отъ службы. Въ 1623 году двое царскихъ докторовъ (Бильсь и Дій) и одинъ лѣкарь (Бальзиръ или Балсыръ) комантируются въ Нижній-Новгородъ, для врачебнаго освидѣтельствованія состоянія здоровыя проживающей здѣсь бывшей царской невѣсты, дѣвицы Маріи Хлоповой (⁷⁴). Въ 1643 году докторъ Белау посылается освидѣтельствовать болѣзнь Григорія Горихвостова и обнаруживаетъ у него солитеръ, о чёмъ подробно рапортуетъ Аптекарскому приказу, съ описаніемъ самой болѣзни (⁷⁵). Наконецъ, въ 1644-мъ году встрѣчаемъ мы любопытный образецъ *судебно-медицинскаго осмотра*. Въ Москвѣ умеръ отъ огнестрѣльной раны въ голову кравчій находившагося въ то время въ русской столицѣ датскаго принца Вольдемара. Для досмотра мертваго тѣла посланы были доктора Сибелистъ, Белау и Граманъ, которые и составили актъ, что „тотъ кравчій раненъ изъ пищали, а рана подъ самымъ правымъ глазомъ; и они доктора въ ту рану щупомъ щупали, а пульки не дощупались, потому что рана глубока, а то подлинно, что пулька въ головѣ“ (⁷⁶).

Допрашивались доктора и въ качествѣ экспертовъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касающимся ихъ специальности; такъ, въ 1643 году, по требованію Аптекарского приказа, доктора Граманъ и Белау подаютъ сказку съ подробнымъ описаніемъ теченія и способовъ лѣченія болѣзни, „что зовется по-латыни ангина“, принявшей въ Москвѣ эпидемическій характеръ (⁷⁷).

Не ограничиваясь приглашеніемъ на свою службу иностранныхъ врачей, Московское правительство принимало также мѣры къ насажденію медицинскихъ знаній въ самой Россіи.

Правда, мѣры эти были весьма элементарны,—но любопытно то, что хотя кое-что да дѣлалось у насъ въ этомъ направлѣніи и въ XVII вѣкѣ.

Уже довольно рано иноземнымъ лѣкарямъ и аптекарямъ велѣно было брать къ себѣ русскихъ учениковъ для обученія ихъ врачебному дѣлу. Котошихиъ свидѣтельствуетъ, что въ началѣ второй половины XVII вѣка въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа числилось до 20 человѣкъ русскихъ людей, взятыхъ сюда для обученія. Въ наказѣ „дишилатору“ Петру Фабриціусу (1681 г.), этому послѣднему вмѣняется въ обязанность обучать „со всякимъ тщаніемъ и ничего отъ нихъ не тая“ русскихъ учениковъ, которые будутъ назначаться къ нему по царскому указу, и радѣть, чтобы эти ученики „науки аптекарской, чemu онъ самъ умѣеть, изучились“ (7*).

Въ спискахъ лѣкарствъ, изготовленныхъ въ 1673 году для вольной продажи изъ царскихъ аптекъ, мы встрѣчаемъ препараты, изготовленные русскими людьми (7*). Въ 1678 году въ личномъ составѣ московскаго врачебнаго персонала упоминаются 2 русскихъ аптекарскихъ мастера, 5 русскихъ лѣкарей и 8 русскихъ лѣкарскихъ учениковъ. Въ царствованіе Федора Алексѣевича число русскихъ лѣкарей возрастаетъ до 58, а въ концѣ XVII вѣка русскіе лѣкари, подлѣкари, лѣкарскіе и аптекарскіе ученики, костоправы, рудометы и циркульники—уже постоянно фигурируютъ въ спискахъ врачебнаго персонала, подвѣдомственнаго Аптекарскому приказу (8*).

Можно, впрочемъ, думать, что какъ образовательный, такъ и нравственный цензъ этихъ доморощенныхъ лѣкарей—не былъ особенно высокимъ. Вотъ довольно характерное доказательство этого, заимствованное нами изъ практики конца XVII вѣка. Въ 1686 году возбуждено было преслѣдованіе противъ русскаго лѣкаря Мишки Тулейщикова за то, что онъ, въ пьяномъ видѣ, отвѣсиль русскому же лѣкарю, Андреяну Харитонову, вмѣсто раковыхъ глазъ—золотникъ сулемы, а тотъ даль принять ее въ рейнскомъ винѣ подъячему Юрію Прокофьеву, который, конечно, и отправился *ad patres*. Состоялась револю-

ція: лѣкаря Тулейщикова сослать съ семьею въ Курскъ, а съ Харитонова потребовать поручную запись въ томъ, что ему впредь „такихъ вредительныхъ и смерть наводящихъ“ средствъ никому не давать; на будущее же время за подобного рода неосмотрительность лѣкарямъ угрожается смертною казнью (⁸¹).

У нѣкоторыхъ знатныхъ людей были въ то время свои собственные, домашніе лѣкаря,—даже изъ крѣпостныхъ людей. Такъ, въ 1700 году „человѣкъ“ боярина П. П. Салтыкова, Алешка Каменей, уморилъ своего господина, давъ ему слишкомъ большую дозу ядовитаго снадобья, купленнаго въ „зеленомъ“ (травяномъ, москательномъ) ряду. Въ Аптекарскомъ приказѣ дана была по этому поводу экспертиза, обнаружившая, что даже несравненно меньшая доза этого средства —была бы безусловно смертельна; наказаніе Каменея ограничилось ссылкою его въ Азовъ, такъ какъ въ дѣлѣ этомъ было выяснено отсутствіе злого умысла (⁸²). Впрочемъ, еще раньше (въ 1687 г.) состоялось запрещеніе продажи въ зеленыхъ лавкахъ сильно-дѣйствующихъ средствъ, которое, очевидно, не всегда строго соблюдалось, какъ и до нашихъ дней далеко не всегда соблюдается въ нашихъ москательныхъ и травныхъ лавочкахъ.

Принимались правительствомъ мѣры и къ посыпкѣ заграницу, для обученія врачебному дѣлу, какъ сыновей проживавшихъ въ Москвѣ иноземцевъ, такъ и русскихъ молодыхъ людей. Въ 1661 году отправленъ былъ заграницу сынъ иноземца русской службы, Томаса Келлерманна; прослушавъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Лейпцигѣ, Парижѣ и Падуѣ, молодой Келлерманъ возвратился въ Россію съ лестнымъ аттестатомъ и занялъ здѣсь должность доктора Аптекарского приказа. Такимъ же образомъ, въ 1693 году, посланъ былъ заграницу для изученія медицины московскій уроженецъ, сынъ мѣстнаго лютеранскаго пастора, Іоганъ Грегоріусъ.

Посылались въ чужie края, для изученія медицины, и русскіе молодые люди. Изъ этихъ послѣднихъ особенно вы-

дается Петръ Посниковъ, сынъ дьяка Посольского приказа Василія Посникова. Окончивъ курсъ въ славившемся въ ту пору Падуанскомъ университѣтѣ и получивъ отъ послѣдняго блестящій дипломъ (этотъ дипломъ сохранился до нашихъ дней) на степень доктора медицины и философіи, молодой Посниковъ вернулся въ Россію и съ 1701 года началъ здѣсь свою медицинскую карьеру.

Имя Петра Васильевича Посникова должно быть дорого русскимъ медикамъ: онъ былъ *первымъ русскимъ, европейски-образованнымъ, врачемъ*.

Въ 1698 году отправленъ былъ для изученія медицины въ тотъ же Падуанскій университетъ и сынъ другого дьяка Посольского приказа, Григорій Ивановъ Волковъ,—но о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не известно (⁸⁹).

Таково было положеніе русскаго врачебнаго дѣла къ концу XVII-го вѣка.

Мы видѣли, что вся эта медицинская организація была расчитана на потребности царскаго двора, высшихъ представителей служилаго класса и, отчасти еще, ратныхъ людей. Для народныхъ массъ была недоступна эта царская медицина; народъ продолжалъ лѣчиться своими домашними „средствіями“, прибѣгая къ помощи разнаго рода знахарей, знахарокъ, и, въ лучшемъ случаѣ—травниковъ, дававшихъ хотя кое какія эмпирическія врачебныя свѣдѣнія.

Закончился XVII-й вѣкъ,—настала знаменательная эпоха Петровскихъ реформъ, отразившаяся на всѣхъ сторонахъ русской жизни, не оставшася безъ вліянія и на постановку у насъ медицинскаго дѣла: возникаютъ новыя медицинскія учрежденія, принимаются мѣры къ развитію въ Россіи врачебнаго знанія. Но доступной для народа научной медицины—все еще не появлялось у насъ.

Насталъ вѣкъ императрицы Екатерины II-й. Совершилась реформа губернскихъ учрежденій, созданъ былъ кон-

тингентъ уѣздныхъ врачей, основаны губернскіе „приказы общественнаго призрѣнія“....

Прошло послѣ того почти цѣлое столѣтіе—но народъ все еще не получалъ рациональной и доступной ему врачебной помощи, все еще представлялось широкое поле для дѣятельности разнаго рода шарлатановъ, явившихся непосредственными преемниками волхвовъ и кудесниковъ языческой поры русской исторической жизни.

Правда, въ теченіи болѣе полутора столѣтія, протекшаго отъ начала XVIII-го вѣка, существовала на Руси цѣлая іерархія врачей—бюрократовъ, но между этими врачами и народомъ—лежала ничѣмъ незаполнимая пропасть. Эти чиновники - врачи исполняли всякия офиціальные порученія, съ грѣхомъ пополамъ производили досмотры и „анатоміи“, за-сѣдали въ разныхъ присутствіяхъ, наполняли списки „входящихъ“ и „исходящихъ“ бумагъ—но для народныхъ массъ ихъ сомнительныя знанія были такъ же мало доступны, какъ мало доступны были для нихъ и царскіе врачи XVI-го и XVII-го вѣковъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ врачей—бюрократовъ еще не особенно таки давно были не въ рѣдкость личности, все знаніе которыми русскаго языка ограничивалось, какъ у приснопамятнаго гоголевскаго Христіана Ивановича, умѣніемъ издавать неопределенный звукъ, средний между гласными „е“ и „и“.

Да и въ самомъ обществѣ слабо развито было сознаніе необходимости общественной медицины. Наглядный примѣръ тому представляетъ уѣздный городъ казанской губерніи Козмодемьянскъ. Въ 1767 году, въ наказѣ депутату, избранному городомъ Козмодемьянскомъ въ Комиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія, заявлено ходатайство объ упраздненіи должности лѣкаря: „Отъ лѣкаря намъ никакой нужды нѣть, — заявляютъ козмодемьянскіе граждане,—и пользоваться имъ никто не желаетъ и впредь того требовать не будетъ, и вовсе онъ намъ ненадобенъ и жалованье отдаютъ ему праздно“....

Только съ введеніемъ земскихъ учрежденій 1864 года,—этой великой реформы Императора Александра II,—блеснула заря новой жизни для русской области, вообще, и, въ частности, для правильной постановки въ ней общедоступной *народной* медицины,—народной уже не въ смыслѣ конгломерата отрывочныхъ, случайныхъ и весьма сомнительного свойства эмпирическихъ свѣдѣній, но въ смыслѣ доступной для простолюдина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, научно обоснованной врачебной помощи.

За послѣдніе 25 лѣтъ выступилъ на почвѣ созданной реформою 1864 года земской медицины энергичный борецъ,—борецъ скромный, но труженикъ вѣчный и неустанный. Этотъ борецъ—земскій врачъ, которому, въ союзѣ съ земскими учителемъ, выпала на долю великая и святая миссія внести лучь свѣта въ темную среду нашего многомилліоннаго сельскаго люда и, совмѣстной работой на этомъ тернистомъ, но честномъ и плодотворномъ, пути, поставить на почву жизненнаго осуществленія стаинній медицинскій афоризмъ:

„Mens sana in corpore sano“.

УКАЗАНІЯ ИСТОЧНИКОВЪ.

- 1) Печерскій Патерикъ (изд. 1770 г.), стр. 6, 95, 99—101.
- 2) Ibid., стр. 98 об. и сл.
- 3) Никоновская Лѣтопись, I, 192.
- 4) Ibid., V, 150—151.
- 5) Карамзинъ: «Исторія государства Россійскаго» (изд. 6-ое), II, стр. 85 и примѣч. 132.
- 6) Печерскій Патерикъ, стр. 52.
- 7) Ibid. стр. 139 и сл.
- 8) Никоновская Лѣтопись, VIII, 13.
- 9) Карамзинъ: «Ист. гос. Росс.», VI, 195 и сл.; Соловьевъ: «Исторія Россіи», V, 244, 246.
- 10) Никоновская Лѣтопись, VI, 125; Полное Собрание Русск. Лѣтописей, VI, 37, 239.
- 11) Рихтеръ: «Исторія медицины въ Россіи», I, 418—419 (нѣмецкое изданіе); Никоновская Лѣтопись, VII, 14.
- 12) Ханыковъ: «Медицинская полиція въ Россіи», въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1851, часть XXXIII, стр. 346.
- 13) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., VI, стр. 271.
- 14) Рихтеръ: «Исторія медицины», I, 249—296, 300—302 (нѣмецк. изд.); Карамзинъ: «Ист. гос. Росс.», IX, 140, 167.
- 15) Рихтеръ: «Исторія медицины», I, 302 — 304, 310 — 212, 425, 427 (нѣмецк. изд.).
- 16) Ibid., 424.
- 17) Карамзинъ: «Ист. гос. Росс.», IX, 356.
- 18) Рихтеръ: «Исторія медицины», I, 310, 312, 396, 448 (нѣмецк. изд.).
- 19) Ibid., 319—322, 438.
- 20) Соловьевъ: «Исторія Россіи», VIII, 59; Рихтеръ: «Исторія медицины», I, 383, 442 и сл. (нѣмецк. изд.).
- 21) Соловьевъ: «Исторія Россіи», VIII, 58; Павловъ: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова», стр. 95 и сл.; Карамзинъ: «Ист. гос. Росс.», XI, 88; Рихтеръ: «Исторія медицины», I, 364—380, 405 (нѣмецк. изд.).
- 22) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 7 (русское изданіе); Лихачевъ: «Разрядные дьяки XVI-го вѣка», стр. 70.

- 23) Собрание Государств. Грамотъ и Договоровъ, III, № 63, стр. 259.
24) Акты Исторические, изд. Археограф. Комиссиею, III, №№ 236, 242; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, изд. Археограф. Комиссиею, VIII, № 4; Рихтеръ: «Исторія медицины», II, приложенія, стр. 156 (русск. изд.).
25) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 16 (русск. изд.).
26) Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 2, стр. IV.
27) Котошихинъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», стр. 90; Дополн. къ Актамъ Историч., VI, № 50.
28) Акты Исторические, III, № 161.
29) Акты Исторические, III, № 298.
30) Акты Исторические, III, № 298.
31) Акты Исторические, III, № 173.
32) Акты Исторические, III, № 292; Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 196, 199, 208 и др. (русск. изд.).
33) Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 3, стр. V.
34) Напримѣръ: Акты Историч. III, №№ 228, 246; Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 1, стр. I; Ханыковъ: «Медицинская полиція въ Россіи, въ журн. Мин. Вн. Дѣль за 1851 г., ч. XXXIII, стр. 361.
35) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, VI, № 94.
36) Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 4, стр. VI; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, VI, № 50.
37) Ibid.
38) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 148—151 (русск. изд.).
39) Ibid., 142.
40) Рихтеръ: «Исторія медицины», I, 448 (немецк. изд.).
41) Напримѣръ: Дополненія къ Актамъ Историческимъ, VI, №№ 18 (III, V), 53, VIII, № 4 (IV); Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 59, 107 и сл., 142—143, 152, 188; Ханыковъ: «Медицинская полиція», 362—364.
42) Акты Исторические, IV, № 98; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, IV, № 9.
43) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 77 и сл. (русск. изд.).
44) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, III, № 1.
45) Акты Исторические, IV, № 257.
46) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, VI, № 117.
47) Флоринскій: «Русскіе простонародные травники и лечебники», Казань, 1880; Лешковъ: «Русскій народъ и государство», М. 1858, стр. 508; Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 324 и сл. (русск. изд.).
48) Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 5, стр. VIII—XII.
49) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 24 и сл., 48 и сл., 67 и сл., 73 и сл., 214 и сл., 223 и сл., 241, 242, 308, 309 (русск. изд.).
50) Ibid. 94, 95 и сл.

- 51) Акты Исторические, III, № 303.
- 52) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 313, 315 и сл., 348 (русск. изд.).
- 53) Ibid. 262, 297.
- 54) Олеарій Адамъ: «Подробное описание путешествія въ Москвію», М. 1870, стр. 263—264.
- 55) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 19, 50, 65—66, прилож. 156 и сл.; Лешковъ: «Русскій народъ и государство», 517.
- 56) Котошихинъ: «О Россіи и пр.», 90; «Чтенія» въ Москвѣ. Общ. Ист. и Древн. 1880 г. III (Челобитье лекаря Роланта).
- 57) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, прилож. стр. 125 и сл. (рус. изд.).
- 58) Ibid., 24—25.
- 59) Акты Исторические, III, № 235.
- 60) Акты Исторические, III, № 228 (IX).
- 61) Олеарій: «Подробное путешествіе и пр.», 264.
- 62) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 39 и сл. (русск. изд.).
- 63) Акты Исторические, III, № 233.
- 64) Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изд. Археограф. Комм., I, № 104; «Чтенія» въ Москвѣ. Общ. Ист. и Др., 1880, III (Челобитье Роланта).
- 65) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 269 (русск. изд.).
- 66) Ibid. 53 и сл.
- 67) Акты Исторические, III, №№ 176, 241.
- 68) Акты Археографической Экспедиції, II, № 27; Рихтеръ: «Исторія медицины», 10—12, 16.
- 69) Акты Исторические, III, № 228.
- 70) Акты Исторические, III, № 246.
- 71) Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 1, стр. I и сл.
- 72) Напримѣръ: Акты Исторические, III, №№ 173, 240, 293, 294.
- 73) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, X, № 33, стр. 95, 100, 111, 112.
- 74) Собрание Госуд. Грамотъ и Договоровъ, III, № 63.
- 75) Акты Исторические, III, № 226.
- 76) Акты Исторические, III, № 302.
- 77) Акты Исторические, III, № 231.
- 78) Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 5, стр. XI—XII; Котошихинъ: «О Россіи и пр.», 90.
- 79) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 156, 157, 158, 167, 168 и др.
- 80) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, VIII, № 4; Замысловскій: «Царствование Феодора Алексѣевича», I, прилож. № 6, стр. XII и сл.; Рихтеръ: «Исторія медицины», II, прилож. стр. 156 и сл. (русск. изд.).
- 81) Полное Собрание Законовъ, № 1171.
- 82) Полное Собрание Законовъ, № 1756.
- 83) Рихтеръ: «Исторія медицины», II, 290 и сл., 352, 321 и сл., 328 и сл.

R
531
Z34

R 531 .Z34
Vrachti v rachebnos dielo v st
Stanford University Libraries

3 6105 041 632 618

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

DOC JAN 30 1989